

Стефан Завьялов

РАДОСТЬ ЖИЗНИ
С КАЖДЫМ ВДОХОМ

От рождения до совершеннолетия

Стефан Завьялов
Радость жизни с каждым
вдохом. От рождения
до совершеннолетия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576123

ISBN 9785448500329

Аннотация

В произведении идет рассказ от первого лица о жизни обычного человека с момента его рождения и до шестнадцатилетнего возраста. В произведении делается попытка переосмысления всего жизненного пути главного персонажа на основании всего того, что удается извлечь из памяти и на основании этого определить, насколько человек зависит от своих корней и быта, могло ли что-то произойти иначе или все закономерно, и каждый человек идет по отмеренному ему жизненному пути.

Содержание

Предисловие	6
1	8
2	13
3	16
4	22
5	25
6	27
7	31
8	33
9	36
10	39
11	42
12	45
13	48
14	51
15	55
16	59
17	63
18	67
19	71
20	77
21	82
22	86

23	88
24	91
25	94
26	97
27	101
28	103
29	107
30	110
31	112
32	116
33	119
34	122
35	126
36	130
37	133
38	137
39	140
40	144
41	146
42	152
43	155
Конец ознакомительного фрагмента.	158

**Радость жизни
с каждым вдохом
От рождения
до совершеннолетия**

Стефан Завьялов

© Стефан Завьялов, 2017

ISBN 978-5-4485-0032-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Жил был простой человек и спросил он себя: «Кто я? Для чего я живу? Ведь в этом мире нет ничего случайного и ненужного». Практически с самого детства его желанием было понять смысл своего бытия и осознать: «А что после смерти останется от меня? Ведь вот, я живой, я мыслю, чувствую, и что же в одно мгновение это все просто оборвется и все? Как это так, в один момент я перестану чувствовать и мыслить? Да этого же просто не может быть!»

Со временем у него появились новые вопросы: «Почему я такой, почему моя жизнь складывается именно так, и могло ли быть иначе?». Ведь есть люди, которые думают, вот если бы они могли вернуться назад, скажем в детство, и вот тогда бы все было бы намного лучше. Так вот вопрос – «Мог бы я быть другим?» или все-таки предрасположенность к определенному выбору из предложенных жизненных ситуаций все равно привела бы меня к тому, что есть?

Имеется не особо популярное мнение, что счастье возможно и измеряется оно не количеством материального благосостояния. Хочется в меру своих скромных возможностей поддержать его. Счастливым может быть каждый человек, и, как правило, сам человек и является кузнецом своего счастья, делая ежесекундный выбор в своих мыслях, поступках и чувствах. Не каждому человеку удастся в жизни добиться

чего-то выдающегося, но от этого его жизнь не становится менее ценной, хотя бы потому, что многие выдающиеся люди родились и выросли в самых обычных семьях.

Во многих книгах сейчас рассказывают как стать успешным, но рожденный быть успешным все равно станет им и без всяких книг. Человек же, рожденный не для того, чтобы вершить судьбы мира, должен идти своим жизненным путем, и он не должен сомневаться, что его жизнь менее ценна, чем другие. Он должен знать, что жизнь каждого человека – это единственное в мире бесценное сокровище и дар, посягать на которое никто не имеет права. Он должен быть уверен, что нужно жить дальше несмотря ни на что, а если кто-то будет грызть обвинениями, что он зря дышит воздухом, то подобное мнение следует забросить подальше.

1

В семидесятых годах в огромной стране под названием СССР родился я. Это было летом на радость маме и папе. Папа был инженером, мама медсестрой. Маме было двадцать лет, папе было на четыре года больше. Еще вчера они были студентами, сегодня же я сделал их родителями.

Мы жили у матери отца с его братом. Когда мне было четыре месяца, отец ушел служить в армию. Служить он должен был один год. В семье решили отсрочку от службы в армии не брать, а пока он отслужит, я уж и подрасту, советовала так сделать моя бабушка. И папа попал, как сейчас говорят, по-настоящему.

Отец должен был служить рядом с домом, на Донбассе, а попал он на границу с Китаем, в забытый Богом и людьми поселок Облучье.

Я рос, время шло. Мама и бабушка писали письма папе. Он исправно отвечал им индивидуально каждой. Однажды он пишет, чтобы бабушка, во что бы то ни стало, вызвала его домой, любой правдой или неправдой. Думали, решали и придумали, что ничего страшного в нашей армии не может произойти с моим отцом. Год пролетел и папа вернулся. Он был сильно похудевший, уставший и грустный.

Дома его встретила бабушка. Они обнялись после года разлуки. Она ему и говорит:

– Покупаешься, наверное, сначала, сынок, с дороги, а потом покушаем?

– Да нет мама, лучше давай я покушаю, а то ведь не ел я уже несколько дней.

Как оказалось, дорога была дальней через весь Союз. Денег солдатских было мало. Ехать можно было только бронированными местами. В дороге случилась задержка с транспортом, и сутки он просидел в Москве на вокзале. Да и в армии, где он служил, голодно было.

Лейтенант отпускал своих солдат в самоволку, чтобы они, где могли, попробовали добыть себе съестного. Нашли они как-то раз кухню полевую. Повар варил солдатскую кашу. Рванули они к нему наперегонки. Просили, дай брат покушать, а то изголодались. А он на них смотрит и чуть ли не плачет. Простите сердешные, но вон уж идут с учений мои солдатики. Что дам я вам, того не достанет им, простите меня и зла не держите. Голодные дальше они побрели.

На поле колхозники собирали урожай. Солдаты договорились им помочь, в надежде покушать. Колхозник за проделанную работу дал им мешок картошки. И вдруг с удивлением им говорит: «Да, что же вы, братцы, ее сырой едите, вы что?» А они ему и отвечают: «Да батя, голодные шибко мы, уж лучше сырую ее съедим, как-то переварится». Потом животы, правда, долго у них болели.

Отца я не помню. Была у нас комната светлая с окнами на север и восток. Я припоминаю, однажды, лежу я годовая-

лый в кровати, комната вся солнечным светом залита. Уютно, тепло, а у окна стоят мама с папой в обнимку и смотрят в окно, и от них исходит нежность и грусть.

Отец, придя из армии, привез мне диковинную игрушку паровоз с вагончиками в сцепке, который нужно было тянуть за веревочку, а в трубе, из которой в настоящем паровозе валит дым, прыгали цветные стеклянные шарики. Папа также привез для меня большую мягкую игрушку. Паровозик я вспоминаю отрывками, а вот насчет игрушки не уверен, но дома у нас была большая коричневая собака. Она много лет лежала у нас на диване. Я любил с ней играть. Выкинули ее только тогда, когда она совсем изорвалась. Возможно, именно ее отец и вез мне в подарок, через весь Советский Союз, уже сам практически мертвый, но желающий, напоследок, повидать родных и порадовать своего годовалого сына, которого практически и не видел.

Прошло месяца четыре, и папы не стало. Зимой он шел по улице и просто упал. Прохожие думали, что он пьяный и стали тереть ему лицо снегом, чтобы в чувство привести. Так и хоронили отца, словно избитого, с потертостями на лице.

На похоронах папы было много народу. Осталось много фотографий с похорон. Гроб везли от дома папы на кладбище как раз мимо дома маминых родителей, где тогда был я. Когда похоронная процессия проходила возле дома, мой дед поднес меня и поднял на руках к гробу отца, чтобы я в по-

следний раз посмотрел на него и простился. Мне тогда было полтора годика. Есть фотография, как дедушка держит меня на руках, я замотан поверх пальто в серый шерстяной платок и смотрю с недоумением и грустью на отца, лежащего в гробу. Эту фотографию я не видел много лет, но она у меня словно стоит перед глазами. Отца похоронили возле его отца в одной оградке.

Врачи сказали маме, что у отца были осложнения на фоне ОРЗ. Мама к врачу пошла и рассказала, что странным он был в последнее время. Сидит, бывало, он и вдруг пойдет в ванную, включит холодную воду, сунет голову под струю и стоит так. Его все спрашивали, что случилось, а он говорит, что так, ничего. И не был он болен совсем ОРЗ. А врач маме тихонечко так и говорит: «Ступай милая и лишних вопросов не задавай».

Осталась мама одна, со мной на руках. Мы жили в квартире, как и раньше у бабушки, дядя ушел в армию как раз перед возвращением отца. У мамы со свекровью не очень-то ладилось. Родители мамы помогать ей не горели желанием.

Брат бабушки, пошел однажды в военкомат и поговорил там с военкомом. Тот выслушал его очень внимательно, и сказал: «Что же она глупая сразу к нам не пришла. Конечно, поможем, пускай приходит. Мы ей квартиру с ребеночком сообразим. Пускай подумает в этом городе или может быть в другом».

Отец перед армией работал в небольшом городке кило-

метрах в 80 от родного дома, и маме там предложили квартиру. Мама, не желая больше видеть родных, решила уехать со мною в чужой город и там начать новую жизнь.

2

Мама была гордой женщиной. Пенсию она на меня, как на утратившего отца-кормильца, не оформляла и получала символические десять рублей в месяц. Она решила, что сама поставит меня на ноги.

С детства мама любила Советские фильмы про светлую и чистую любовь. Я ее любил, так как у меня никого больше не было. Ведь что такое человек? Это любовь, которую он носит в своем сердце и очень плохо, если в сердце у человека ее нет.

Мамины родители были простыми людьми. Дед сирота, из-под Винницы, его тетка вырастила, а потом он приехал в Донбасс и работал здесь всю жизнь на заводе, водил тепловоз.

Дедушка был удивительно трудолюбивым человеком и если он работал то уж без остановки в поле ли на заработках или в другом, каком месте. На пенсию он выше раньше, так как сердце начало беспокоить, поэтому большой пенсии железнодорожника не заработал, не хватило несколько лет. Позже у него было несколько инфарктов и инсультов. После очередного инсульта его практически полностью парализовало. Мама дней через семь привезла его к себе в город и начала усиленно лечить в больнице, где сама проработала всю жизнь. Дед поднялся на ноги, но его речь так и не восста-

новилась. Когда он что-то хотел сказать, то выходило только: «Базар-базар». Он очень нервничал, расстраивался, и его глаза наполнялись слезами.

Во дворе дома маминых родителей росли три высокие черешни. Черешни были ранние, ягоды были крупные, желтые, сладкие и сочные. Дед до последнего лазил по веткам до самого верха деревьев и собирал ягоды, затем возил их продавать на базар. Однажды он упал и сломал ключицу, но это его не остановило. На следующий год он опять рвал черешню.

Дедушка умер в марте месяце, в тот и последующие года черешни практически не цвели и не приносили урожая, а на третий год они цвели рясно, как никогда, тогда умерла бабушка.

Бабушка была родом из России, где ее предки были хлеборобами пока они не переехали на Донбасс. Бабушка образования не получила и работала на заводе уборщицей. Когда она работала в бане, то иногда находила ценные вещи, рабочие забывали или теряли их. Она всегда старалась найти хозяина найденной вещи и вернуть ему. Она, как впрочем, и все мои родственники, была гордой и честной, жила без хитрости и лести.

Бабушка очень любила дедушку, и когда я гостил у них в раннем детстве, то мы с ней ездили на заводскую проходную встречать дедушку после работы. Особенно было интересно ездить встречать дедушку, когда его рабочая смена заканчивалась поздним вечером. Мы с бабушкой шли по ве-

черному поселку на трамвай, затем ехали в практически пустом трамвае, а потом стояли возле проходной в ожидании появления дедушки. Когда дедушка выходил с завода и видел нас, то он всегда рад был нас видеть, и мы все вместе ехали домой.

У мамы был младший брат. Как мама рассказывала, он был шалун еще тот. Они частенько колотили друг дружку. Однажды, мама простыла и ей поставили родители горчишки, потом сняли их, и она заснула. Так вот, просыпается она среди ночи оттого, что у нее нестерпимо печет пятка. Она как закричит на весь дом. От ее крика все проснулись и кинулись к ней. Оказывается, братишка стащил кусок горчичника, и когда она заснула, он умудрился прилепить его ей на пятку. В общем, досталось ему тогда хорошо.

Когда дедушка с бабушкой познакомились, то своего жилья у них не было. Жили они в заводском общежитии. На заводе обещали через несколько лет дать им квартиру, и они ждали этого с нетерпением. Затем они узнали, что желающим можно взять земельные наделы под застройку. И они решили взять землю. Начали строительство, жили здесь же, иногда приходилось ночевать на этом клочке земли под дождем. Через какое-то время построили домик, как они говорили «мазанку» и зажили в ней на долгие годы.

3

Родители папы были заводскими рабочими. Его отца моя мама не знала. Он умер в день, когда папа вел маму к себе, чтобы познакомиться с родителями.

Дед у меня был мировой. В 1943 году в возрасте 18 лет он ушел на фронт. Медали и ордена украшали его молодую, но прошедшую ад Второй мировой войны грудь. Ему повезло выжить на войне и даже избежать ранений.

На фронте у деда был боевой товарищ, а отец товарища был большим чином в армии и он предложил своему сыну поступать в военное училище, тот сказал, что без своего друга, моего деда, никуда не поедет. Отец товарища сказал, без проблем давай поговорим. Дед встретился с военным и сказал, что хотел бы вернуться домой, но пока никого из армии не отпускают. Вскоре после этого разговора мой дед вернулся домой, где его ждала мать (поговаривали, она была благородных кровей в городе Курске до 1917 года) и два младших братишки.

Вернулся дед с войны, работал на заводе сварщиком, жил в коммуналке. Познакомился с бабушкой и забрал ее к себе. Один из братьев деда выучился на врача и уехал по распределению во Львов. Дед закончил заочно техникум уже после того как у него родилось двое сыновей.

В квартире у бабушки в разных комнатах висели три боль-

шие картины в добротных красивых рамках. На одной картине медведи резвятся в лесу на поваленном дереве, на другой поле зрелой пшеницы, а за полем начинается лес, сюжет третьей картины стерся из моей памяти. Бабушка рассказывала, что дед рисовал много картин и дарил их своим друзьям. Дед также раздал почти все свои военные награды, кроме одного ордена и медали, которые особенно были дороги ему. Намного позже бабушка оформит документы, и за эти награды будет получать ежемесячные выплаты.

Из коммуналки одна семья уехала и дедушке с бабушкой досталась вся квартира, целых три комнаты. Деда все любили. В начале девяностых годов, когда я работал на заводе, двое пожилых рабочих вспоминали моего деда с уважением. Один из них был учеником моего деда. Я слушал разговор, но о себе ничего не говорил. Они чем-то были обижены на похоронах деда, вроде бабушка чем-то им не угодила, поэтому особенного желания участвовать в разговоре у меня не было. Когда я пришел к бабушке домой, я тогда временно жил у нее, то сказал, что на работе был разговор про дедушку. Бабушка спросила, сказал ли я, что прихожусь ему внуком. Я врать не стал и сказал, что нет, она обиделась, не явно конечное, но неудовольствие на ее лице и в движениях от меня не ускользнули.

Бабушка рассказывала, что дед видел людей насквозь с первой встречи, кто чего стоит, но никого от себя не отталкивал. Дед умер быстро и неожиданно. С бабушкой в тот тра-

гический день они красили полы в квартире. За день до этого дед на заводе принимал машину с электродами, он был мастером. Машина пришла с задержкой, и он не стал задерживать рабочих и сам разгрузил ее в металлический ящик-сарай. Тяжело ему пришлось в тот день.

На следующий день, деду нездоровилось, и чтобы поправить здоровье, по фронтовой привычке, попросил у бабушки выпить. Бабушка отказала, что мол, давай после работы, докрасим комнату, а потом, пожалуйста. Как там все было, не знаю, докрасили или дед уговорил всё же бабушку, но она пошла в магазин. Магазин был рядом с домом, прямо через дорогу. Она купила продукты и чекушку. Когда она вернулась домой, то увидела что дедушка, ему было тогда 47 лет, лежал на полу уже мертвый. В это время как раз папа вел мою маму знакомиться с родителями. Они подошли к подъезду, а тут такое дело. Папа жил на втором этаже, а на первом этаже этого дома жила подружка мамы куда она и зашла. Знакомство не состоялось.

Вскрытие показало, что все сердце деда было в рубцах. Сердечко перенесло несколько инфарктов, а в легких была жидкость. Как дед рассказывал бабушке, они, 18 летние пацаны, зимой попали на фронт. После очередного марш броска они расположились на привал. Пацаны, уставшие, сразу же повалились на мерзлую землю в снег, спать, а солдаты постарше сразу не ложились, а походили чуток, чтоб поостыть, а затем садились друг к другу спина к спине и так

засыпали. Вот оттуда и простуда легких с жидкостью. Война все равно никого не отпускала без своей отметины.

Бабушка со своей семьей уехала из-под Мелитополя после раскулачивания ее отца. В их семье, как я слышал, один или два ребенка умерли в детстве, а всего у бабушки были две сестры и младший брат, так что семья была большая. Ее отцу после раскулачивания оставили худую лошаденку, телегу и отправили, куда глаза глядят.

Обустроились они в одном из сел. И вот началась Великая Отечественная война. Бабушкиного отца на фронт не взяли, жили они в землянке, где-то рядом проходила линия фронта. То немцы придут в их село, то свои. От своих доставалось больше. Немцы из жалости к многодетному потомству иногда помогали, а о своих бабушка запомнила особенно один случай.

Было затишье. Ни немцев, ни своих. Заходит к ним в землянку человек, оказалось свой, разведчик. Он зашел к ним, все расспросил, а затем остался на ночлег. Бабушка тогда думала, что ту ночь они не переживут, все они были перепуганы на смерть. Разведчик поужинал, выпил спирту, достал пистолет и начал воспитывать семью. Младшему брату было что-то год или два, так он, то его обещал пристрелить, то отца, как не принимающего активного действия в приближении победы, то всех строил к стене для расстрела. Бабушка тот день запомнила на всю свою жизнь. Ей было тогда около двенадцати лет. Слава Богу, никого разведчик не убил. За-

снул красноармеец прямо за столом. Утром подошли свои, узнали, где разведчик, и забрали его.

Бабушка говорила, что ее жизнь изменилась в худшую сторону, после того как ее иконку, которую ей подарила с благословением ее бабушка, положили в гроб к умершему родственнику. Она не хотела этого, но ее особенно не спрашивали, и она смирилась с утратой, хотя говорила, что если бы настояла, то получила бы отнятое назад, но не стала спорить, о чем позже сожалела.

Еще бабушка рассказывала, что у них в избе, до раскулачивания была некая грамота. По этой грамоте их семья до определенного колена освобождалась от воинской повинности. Эту грамоту пожаловал одному из её предков военачальник, за победу в бою с татарами. Бабушка говорила, что даже я попадал бы под благословение дальнего предка. Но при пожаре дома, грамота была утрачена.

Бабушка в трудовой книжке имела две записи: принята на работу и уволена в связи с выходом на пенсию, и еще благодарственные поощрительные записи. Она всю жизнь проработала в заводской лаборатории лаборантом. Там они определяли качество выплавляемого металла.

Выйдя на пенсию, бабушка запомнила свой первый день на пенсии. Была зима. На улице мороз и метель. Она встала, как обычно рано утром, подошла к окну. За окном было еще темно и лишь видны темные силуэты людей, спешащих на работу. А ей хорошо и спокойно, ей никуда торопиться

не нужно, дома тепло и уютно.

Интересно еще вот что. Родители мамы и папы жили в 30 минутах ходьбы от одного дома к другому, а посередине этой дороги проходил трамвайный путь как граница. И если им нужно было ехать в город, то они приходили к одной трамвайной остановке.

4

Отношения мамы с родителями после смерти отца не складывались. Рассчитывать на их помощь не приходилось.

Когда мне исполнился год, меня отдали в детский садик. Мама вышла на работу в больницу, где она работала медсестрой. Благодаря участию брата моей бабушки по отцовской линии мы с мамой получили квартиру в небольшом городке. Здесь, после института, мой отец успел поработать на стройке, и военком настоял на выделении квартиры молодой вдове и ее сыну. Местные власти конечно не горели желанием и всячески старались отбить у моей мамы желание на получение здесь квартиры вне очереди, но когда её терпению пришел конец, то она заявила, что по-видимому ей нужно повторно съездить к военкому. Начальник, заведующий распределением квартир, бросил ей ключ и сказал: «Иди, живи».

Переезд состоялся в августе 1976 г. На новом месте все было как до переезда. Мама, как и раньше, работала в больнице медсестрой, я ходил в садик, но у нас было свое собственное жильё. Правда, мы полностью лишились хоть какой-то поддержки от родных, но мама больше не хотела, ни перед кем унижаться.

Наш переезд состоялся налегке. Выезжая из квартиры

свекрови, бабушка практически ничего не отдала маме, из подаренного на свадьбу. Она обиделась, что мама уезжала от неё. На свадьбу дарили в основном мебель: стол, стулья, шифоньер, трельяж и диван. Однако маму это не остановило.

Мы жили весьма скромно. Постепенно мама продала все, что у нее было. Продала золотое колечко, сережки, меховую шапку, в общем, все, что можно было продать – было продано.

Свекровь приезжала в гости и благодарила маму, что она разрешает ей видеться с внуком, ведь для нее это так много значит. Ведь она похоронила мужа и сына, второй сын был еще в армии. А однажды бабушка приехала к нам на грузовой машине, в которой привезла все, что, было подарено на свадьбу родителям.

Бабушка приезжала к нам часто. Я ждал ее субботающими вечерами. Я стоял на перекрестке, на углу нашего пятиэтажного дома, смотря в сторону автостанции, и ждал, когда появится бабушка. Бабушка всегда приезжала с сумкой, в которой для меня были испечены духовые пирожки с вареньем и яблоками, и «пирог со спичкой», как я его называл. В середине пирога была розочка, в которую была воткнута спичка. Как сейчас я понимаю, это было сделано для того, чтобы проверять готовность пирога при его выпечке, но тогда это была некая особенная деталь в пироге, которая казалась мне самой важной в пироге.

Так мы с мамой начали новую жизнь тогда еще в чужом, но ставшем, впоследствии, для нас родном городе.

5

В доме, в котором мы жили, у меня было два друга: Саша и Сергей. Они жили в третьем подъезде нашего дома, а я в первом. Мы часто играли вместе во дворе нашего дома и ходили в одну группу детского сада.

Вскоре у меня появился новый папа. Мама вышла замуж повторно. Мне тогда было чуть больше трех лет. Он был большой и веселый. Работал он водителем автобуса. У нас дома всегда бала стеклянная банка с мелочью. Проезд в автобусе стоил тогда копеек пять – десять, а выручку водители должны были сдавать более крупными купюрами. Мне всегда было интересно наблюдать, как мы подсчитывали эту мелочь, раскладывая ее столбиками по рублю – это было словно какая-то игра.

Порой мама меня наказывала, а если я старался ее обмануть, то она говорила, что лучше сказать горькую правду, чем сладкую ложь. Это вбивалось мне в голову частенько и поэтому засело глубоко.

Однажды зимой, возле дома, я хотел перебежать через дорогу, идущую вдоль нашего дома. Дорога была вроде бы и небольшая, метра три шириной, но она была скользкой. На эту дорогу въезжала с уличной проездной дороги грузовая машина. До машины было метров десять, и она ехала медленно. С противоположной дороги земля шла в гору, рез-

ко поднимаясь метра на полтора.

Мне вздумалось перебежать обязательно на ту сторону дороги, до того как проедет машина. Ну, очень мне нужно было туда. Но у меня были и опасения, что я могу поскользнуться и беспомощно упасть, или если перебегу, то не смогу быстро подняться в горку на той стороне дороги, ведь там тоже было скользко.

И вот все это промелькнуло у меня в голове, машина немного уже подъехала ближе, а я решил сейчас или никогда и рванул вперед. Дальше все было как в замедленной съемке. Ноги были ватные и они словно прилипали к земле при каждом моем шаге, но мне нужно было только вперед. Почему? Просто очень надо и все тут. Я поскользнулся и упал, как раз посередине дороги. Растянулся на животе, руки ноги во все стороны, поднимаю голову, смотрю вперед, а машина уже очень близко. Я молча, с ужасом смотрел как ко мне медленно приближается машина. Я думал, что машина не остановится, и будет ехать дальше. Для меня это было просто огромное чудовище, которое медленно и бездумно надвигалась на меня. В этот момент мама вышла из подъезда, машина остановилась передо мной, меня подняли и отвели в сторону, чтобы я больше не препятствовал проезду транспорта.

6

У соседей по площадке было две дочки и сын. Одна дочка была младше меня, а остальные дети были старше меня года на три – четыре. Я иногда играл у них дома. Они жили вместе со своей бабушкой. После смерти их бабушки моя жизнь очень сильно изменилась. У нее обнаружили туберкулез. Врачи определили группу контактеров, в которую попал и я.

Для профилактики меня, тогда пятилетнего мальчугана отправили в детский санаторий «Здоровье» на лечение. В санатории я пробыл три месяца. Каждое воскресенье ко мне приезжала мама, иногда бабушки. Для меня это было очень тяжелое время.

Санаторий находился на окраине большого города. Рядом с санаторием был водоем, окруженный со всех сторон деревьями. Воспоминания сохранили отдельные картинки и сюжеты из этих мест. Зима была на исходе, и на улице было ещё холодно. Ко мне в гости приехала мама, она очень замерзла, пока добралась к нам в санаторий. Ее впустили в небольшую комнатку побыть со мной, и что бы она могла согреться.

Когда родители приезжали в санаторий, они привозили много вкусного. Эти передачи складывали у нас в отдельном шкафу. Каждый пакет подписывался, чтобы знать, где чья передачка. Вечером воспитатели раздавали нам наши паке-

ты, и мы брали из них, что нам нравилось. Там были в основном конфеты и печенье. Конфеты в основном были карамельки и сосательные, шоколадные конфеты тогда были редкостью, по крайней мере, у нас. Печенье было обыкновенное квадратной формы и бисквитное круглой формы, было еще овсяное печенье, но это была тоже редкость. Да еще были вафли, как мы шутили печенье в клеточку. Ассортимент не очень большой, но мы были счастливы и уминали все это с радостью и удовольствием, вспоминая своих родителей и свой дом.

В санатории в нашем распоряжении было несколько комнат, отведенных для нашей группы. Одна большая, где стояли кровати и вторая поменьше – игровая комната. Примерно через месяц, я освоился, и жизнь уже не казалась такой безрадостной.

У нас был мальчик, которому иногда нужно было ложиться на пол возле ступеньки и запрокидывать голову вниз, чтобы она свешивалась со ступеньки, и так он лежал несколько минут. Мы же стояли рядом с ним и с интересом наблюдали за происходящим, а также следили, чтобы он не потерял сознание.

Через некоторое время меня перевели в другую группу, где дети были с такими же заболеваниями, как и у меня. Этот переезд прошел у меня безболезненно, так как я в санатории считался уже старожилом.

В новом корпусе мы были в отдельных комнатах человек

по шесть в каждой. В предыдущем месте все дети спали в одной большой комнате и мальчики и девочки, там нас было человек двадцать или тридцать. Теперь же у нас были комнаты для девочек и мальчиков отдельно.

Здесь у меня появились настоящие друзья, и мы более активно проводили свое свободное время, играли в разные игры, смело бегали по коридорам корпуса, а ночью собирались вместе, чтобы понарасказывать друг другу всевозможные страшилки про черную черную руку или про черное черное пятно.

Однажды поздним вечером, когда все уже легли, наша постоянная компания, человек шесть, собралась у окна возле входной двери в корпус. Мы находились в большом коридоре. Вокруг было темно, и только настольная лампа, горевшая на столе дежурной медсестры, была небольшим источником света. Атмосфера была как нельзя более подходящей для страшилок, и мы уже запугали сами себя до мурашек на коже. Мы смотрели в непроглядную ночь за окном и ждали дежурную медсестру, которой нужно было срочно отлучиться, а мы были ее доверенной агентурой. Мы были на спецзадании. Нам нужно было открыть дверь медсестре, когда она вернется. В той необычной атмосфере, окутавшей нас, было удивительное ощущение общности и интригующей загадочности.

К концу третьего месяца, пребывания в санатории я освоился настолько, что мне даже не особо хотелось возвращать-

ся домой. У меня здесь была отличная приятельская компания и дружеские отношения со всем персоналом. Я почувствовал себя здесь кем-то значительным. Это ощущение мне еще не было знакомо и мне не хотелось его лишиться. Я точно знал, что дома у меня все будет иначе, так как там были совсем другое окружение и взаимные отношения.

После санатория у меня некоторое время ушло на адаптацию к обычной жизни и вскоре казалось, что санатория и во-все не было.

В то время у нас телевизора еще не было. Порой, когда мы играли с детьми на улице, родители их звали домой посмотреть детскую передачу, и я оставался один в гордом одиночестве. Иногда я ходил в гости к соседям посмотреть детскую передачу Будильник, ее показывали утром каждое воскресенье.

И вот однажды, когда я играл на улице, мне передают, что родители меня ищут. Я не спеша, иду домой, а там новенький телевизор. Мне было очень рад, что теперь у нас есть телевизор, как и у всех моих друзей. Жизнь стала на много интересней и насыщенной.

В память по какой-то причине врезался один эпизод, связанный с новым семейным приобретением. Как-то я сам был дома, было утро. Я уже умел включать телевизор. Я его включил. У нас был только один канал, но в то время это было нормально. Там шел художественный фильм, кажется немой, но звучала музыка, которая закрадывалась в самую душу. Перед глазами как тогда стоит только один эпизод – пшеничное поле, лето полдень, жара. Старый худой дедушка в белой рубахе на выпуск косит пшеницу. Ему жарко, он вытирает

пот рукавом, смотрит вдаль и продолжает косить в одиночестве это бескрайнее поле. И во всем этом особую роль играет музыка. Она звучит как то настораживающее и в то же время торжественно. Это была быстрее всего бандура со своим непередаваемым плачущим и в то же время призывающим к чему-то героическому звучанием.

Обычно в девять вечера меня укладывали спать, а родители еще смотрели телепередачи. Наши комнаты соединялись дверью. С моей кровати телевизор я не видел. Но в моей комнате у стены напротив двери стоял трельяж. В зеркале трельяжа можно было видеть телевизор. Звук был очень тихий, но картинка была вполне смотрибельной. Конечно, понять я практически ничего не мог, но сам факт, что я смотрю телевизор, а мне этого никто не разрешал делать, доставлял удовольствие, и я смотрел его уже только поэтому. Но каким-то образом моя хитрость стала известна родителям и они стали на ночь закрывать дверь в мою комнату.

8

Через год меня ждал новый детский санаторий. На тот момент мне уже было шесть лет, и опять меня увезли на три долгих месяца. Опять были слезы и период адаптации к совершенно новым условиям.

Санаторий также как и предыдущий располагался за городом. На этот раз я в санатории был три летних месяца. За воротами санатория я помню большущее пшеничное поле без начала и конца. За этим полем была дорога, по которой меня привезли, и на которую я с грустью смотрел, вспоминая о доме. Санаторий был в поселке Карловка.

Однажды ночью я проснулся, мне нужно было в туалет. Все вокруг спали, дежурные медсестры тоже ложились ночью подремать. Мне пришлось идти по слабоосвещенному коридору, вокруг никого не было. Свет давали несколько тусклых лампочек. В тот момент, пробираясь по этому сумеречному коридору, меня переполняло только одно чувство – ощущение натянутости страха, поджидающего в темноте. В общем, сходил я по своим делам. После этого, я чуть ли не бегом добрался до своей комнаты, запрыгнул в свою кровать и, укрывшись одеялом, благополучно заснул как младенец.

У каждой группы в санатории была своя комната. Большая часть этой комнаты была заставлена партами, за которыми

ми мы рисовали, играли и смотрели телевизор. По субботам по телевизору показывали самую любимую всеми детьми детскую передачу «В гостях у сказки». Было несравненным удовольствием увидеть экранизацию любимых сказок или какую-нибудь необычную историю. Эту передачу мы ждали с нетерпением, целую неделю. Когда же начиналась любимая сказка, то уже не существовало ничего – ни санатория, ни дома. Никаких проблем. Все становились главными персонажами сказки и отправлялись за тридевять земель в тридесятое государство.

По воскресеньям в санаторий приезжали родители, и дети с ними разбредались по территории санатория, рассаживаясь по лавочкам и беседкам. Родители приезжали с сумками. Все дети усиленно поглощали привезенные гостинцы. Родителей мы, конечно, ждали сильнее, чем сказку.

Однажды сидим мы в группе, смотрим сказку, детей родители разбирают. Нас становится все меньше и меньше, а ко мне все еще никто не приехал. Я начинаю нервно ёрзать на стуле, уже и сказка мне не интересна, и вот, вдруг, зовут меня – ко мне приехали. Меня захлестнула волна радости и счастья, я все бросаю и бегу, нет, я лечу. В душе ощущение праздника. В повседневной жизни таких эмоций обычно не переживаешь. Поэтому в санатории у нас проявлялись особые искренние чувства радости, по, казалось бы, совсем обычным событиям. Нельзя сказать, чтобы это время было плохое для меня, нет. Хотя по своей воле, я бы сюда низа

чтобы, ни поехал.

С мамой иногда приезжали ее родители, мои бабушка и дедушка, иногда приезжала моя вторая бабушка. Я по-детски больше любил бабушку по линии отца. У нее в сумке, к тому же, для меня всегда было что-нибудь очень вкусненькое.

Был такой случай. Летний, солнечный день, все просто замечательно. Я иду с мамой и ее родителями. Мы ищем, где бы нам присесть. Находим одну уютную беседочку, в ней никого нет. Мы разместились. Все открыли сумки, а я рот. И пошел процесс поглощения вкусностей. Родители считали, что нас недокармливают и поэтому везли все, что могли: и вкусненькое и свеженькое. Продукты были в стеклянных банках. Банки заворачивали в полотенца, чтобы еда было еще тепленькой. И вот прошло немного времени, и мы видим, по дорожке идет моя вторая бабушка. Я ей был очень рад, хотя ощущение праздника подпортилось. Родители мамы почему-то не хотели с ней общаться. Вернее дедушку это не касалось, а вот бабушка была категорически против. Они сразу начали собираться, попрощались и уехали. Я ощущал, какой-то стыд за них, что они так поступают и ставят бабушку в неловкое положение, но что я мог поделать. Я мог только сказать, что я бабушке рад и мне очень жаль, что так все получается.

Спустя три месяца второй санаторий закончился, и я снова вернулся домой.

9

Когда мне исполнилось шесть лет, мы с отцом поехали на Азовское море, мама в это время уехала в санаторий по путевке отдыхать. Мы с отцом отдыхали на базе от предприятия отца. База была застроена небольшими деревянными домиками из расчета по одной комнате для семьи отдыхающих.

В течении дня отец проводил время со мною на пляже, мы играли в карты, загорали, купались. Когда мы возвращались на базу, отец играл в настольный теннис и бильярд, а я играл с детьми.

На базе я познакомился с другими ребятами, и мы практически все время проводили вместе, исследуя все закутки нашей и примыкающих к ней соседних баз отдыха до глубокой темноты.

Все взрослые старались утром купить пиво в пивном ларьке напротив нашей базы, ценилось особенно пиво в бутылках, а не разливное. Счастливики, купившие пиво, весь день были довольны собой в предвкушении вечера. Фокус состоял в том, что пива привозили мало, и его хватало далеко не всем, поэтому с утра у ларька стояла очередь в ожидании долгожданного напитка.

Дно моря, где мы отдыхали, было покрыто какой-то грязью. Говорили, что эта грязь лечебная и некоторые люди, об-

мазавши этой грязью все тело, загорали так весь день. Отец решил оздоровить и меня. Я был против этой затеи, но отец был убедителен. Я притих, но когда он сказал, чтобы я снимал плавки, он собирался обмазать меня полностью в прямом смысле этого слова. Так как дело происходило на пляже полным людей, то я начал отчаянно сопротивляться. Мне выдали пару подзатыльников, и я вынужден был смириться под действием превосходящей физической силы. В общем, вскоре я превратился в некое подобие грязной статуи, стоявшей на пляже. Мне было очень дискомфортно и обидно. Я стоял, понунив голову, и шмыгал носом от досады, к тому же после попытки физического противостояния и затем грубого подавления неповиновения успокоиться шестилетнему ребенку не просто, для этого нужно определенное время.

Детям на базаре в поселке, где была наша база отдыха, покупали стальные браслетки, которые были элементом шика в летний период. Браслетик состоял из металлической цепочки, пристегнутой к металлической пластинке на которой что-то было написано. Такой браслетик был мечтой любого мальчугана, но мне так и не удалось привести убедительные доводы, в пользу того, что он мне жизненно необходим.

Когда мы все были дома, и у отца было хорошее настроение, он любил продемонстрировать свою силу. Он садился на стул, ему на колени садилась мама, а я садился на колени к ней. После этого отец поднимался на ноги, держа нас

на руках.

Отец работал водителем автобуса и когда по улице проезжал автобус, он мог по звуку двигателя определить номер автобуса, разумеется, если этот автобус был из его автопарка.

Возле нашего дома, через дорогу была столовая. В столовой иногда заказывали зал для празднования свадьбы. Когда к столовой подъезжали разукрашенные машины свадебной процессии, которые все дружно сигналили на всю улицу, к столовой сбегались дети со всех соседних домов. Мы выстраивались вдоль дорожки, ведущей к входу в столовую и ждали того момента, когда пройдет пара молодоженов.

Во время шествия невесты, в торжественном белом свадебном платье с фатой, и жениха в черном строгом костюме, гости начинали бросать на них мелочь, чтобы у них был достаток в семье. Мы ждали именно этого момента и как только молодожены проходили мимо нас, мы наперегонки кидались и собирали деньги, разбросанные по асфальту.

На второй день свадьбы гости переодевались ряженными, и обязательно среди них были ряженые цыгане. Они ходили по всему городу и безобидно шалили. Они с шутками приставали к прохожим, заходили в магазины. Все это сопровождалось пением, плясками, игрой на гармошке, гитаре, и ударами в бубен. Всем желающим они предлагали выпить водочки за здоровье молодоженов.

Однажды я с мамой был в магазине. Мы стояли в очереди за молоком. И вдруг в магазин зашла свадебная процессия ряженых цыган. Они пели, плясали, а затем начали разбра-

сывать мелочь. Дети, бывшие в магазине, кинулись собирать мелочь, я же запрятался за маму и даже боялся выглянуть, так как на днях наслушался историй про цыган, которые забирают непослушных мальчиков. Мама мне говорила, чтобы я пошел и тоже собирал деньги, но я же был третий калач, поэтому так просто от меня избавиться не получится я уже и так отбыл два срока по три месяца в санаториях.

Со своими друзьями мы играли всегда только во дворе нашего дома. Я со двора сам никуда не ходил, иногда только бегал в магазин, чтобы купить хлеб. Но тогда мама стояла на балконе и смотрела, чтобы я аккуратно перешел дорогу, а затем она ждала меня, чтобы посмотреть, как я перейду дорогу обратно, уже идя из магазина. Мои же друзья уже самостоятельно ходили играть в соседние дворы.

Так вот, однажды вечером они собрались идти поиграть в соседний двор, правда, отстоящий от нашего двора за тремя большими пятиэтажными домами. Я же не хотел ударить в грязь перед друзьями и решительно отправился с ними.

Мы пошли ненадолго, но там заигрались, и незаметно наступил поздний летний вечер. Уже когда все дети из того двора разошлись, мы как взрослые направились, не спеша, к себе домой. Правда вся наша уверенность вмиг растаяла, как только мы подошли к своему дому. Вокруг дома ходили расстроенные наши мамы. На нас накричали и за уши развели по квартирам.

Мама давно обещала за непослушание наказать меня. Она

говорила, что насыпит в угол на пол соль, и поставит меня на неё голыми коленями. Сейчас как раз я, по ее мнению, заслуживал подобного наказания. Как оказалось, не так уж и страшно было это наказание, как я думал. Ремнем по заднице, было эффективнее. Я практически не почувствовал боли и молча стоял в углу. Минут через пять мама спросила все ли у меня в порядке и, заручившись моим словом, что я буду в дальнейшем пайнкой, разрешила встать и выйти из угла. Оказалось, что крупички соли вдавились в мои колени. Это зрелище внушало мне страх, но боли я не ощущал. Мама подумала, что мне очень больно. Она кинулась со слезами вымывать соль под душем из моих коленок.

Среди немногих развлечений в нашем городе, это была площадка с качелями – каруселями. Качели находились в городском парке, возле Дома Культуры. В воскресные летние вечера возле качелей собирались многие горожане. Все приходили в основном целыми семьями.

Самым интересным аттракционом было конечно «чертово колесо». Когда в подвесной люльке зрители достигали верхней точки обзора, то весь город был практически на ладони, к тому же дух захватывало, когда дополнительно к общему подъему кабинки обозрения можно было самостоятельно вращать вокруг своей оси саму кабинку. Еще интересно было качаться на качелях лодочках. «Лодочки» были детские и взрослые. Отличались они высотой подвески, вследствие чего амплитуда раскачивания на больших лодочках была в два раза больше, чем у детских. Раскачивать лодочки нужно было самостоятельно, стоя внутри и держась за железные стержни, которыми лодочка крепилась вверху к горизонтальной перекладине. Чем сильнее удавалось раскачать лодочку, тем острее ощущения смены силы гравитации испытывали, находящиеся в ней.

Для маленьких детей были карусели со зверушками и машинками, установленными по периметру круглой платформы, которые вращались вокруг своего центра.

Здесь была касса, а перед каждым аттракционом стоял свой билетер.

Зимой мы играли во дворе в хоккей на замерзшем асфальте, правда но без коньков. Еще любили кататься на санках с горки или играли в снежки.

Летом развлечений во дворе было значительно больше. Одним из развлечений было пробежаться по зарослям крапивы, которая росла под стеной дома напротив нашего. Крапива доставала нам до груди. Мы же были одеты в сандалики, короткие шортики и рубашечку с короткими рукавами. Когда ты пробегал по крапиве, которая росла достаточно густо, то все тело испытывало жжение достаточно неприятное. По крапиве мы бегали, чтобы доказать друг другу свою смелость. Спор доходил до того, чтобы выяснить, кто больше раз сможет пробежать через крапиву. Родители эту нашу игру не особенно любили, особенно когда приходилось лечить волдыри или высыпания после крапивных забегов.

Однажды когда мы бегали через крапиву из окон соседнего дома, под которыми мы находились, на нас сбросили презерватив, наполненный водой. Он упал на землю, и мы все оказались мокрыми. Мы стали кричать наверх, что мы сейчас поднимемся, и будем выяснять отношения. Ребята, наши ровесники, крикнули нам сверху, чтобы мы собирались своим двором, так как они сейчас соберут свой двор и придут нас наказывать. Мы собрали, кого смогли, и пошли к углу их дома. Через некоторое время к нам вышли ребята из со-

седнего двора. Мы сначала кричали друг другу угрозы, а потом начали кидать друг в друга камни. Когда камни полетели обильно с двух сторон пришлось всем разбежаться в рассыпную. На этом конфликт был исчерпан.

В детстве я любил играть в солдатиков, но имеющихся солдатиков для моих игр не хватало, поэтому военные батальоны я разыгрывал с помощью прищепок, которых было с избытком. Войны проходили между Красными и Белыми. На горе стоял Чапаев и направлял свою конницу то в тыл, то во фланг белогвардейским войскам.

В детском садике у нас были свои развлечения, которые в этом возрасте проходят все дети. В умывальной комнате некоторые мальчуганы мыли лицо с мылом, закрывая глаза, и тем самым демонстрировали свою смелость. Робкие боялись, что мыло будет печь глаза и с восхищением наблюдали за смельчаками. Я робко, но попробовал, вдохновленный смелостью других. Оказалось, в этом не было ничего страшного. Главное не открывать глаза пока намыливаешь лицо, тогда это было для меня большое открытие.

Один из ребят, заводила в нашей группе, показывал на коврике как можно делать «мельницу» – это такой приемчик. Становишься лицом к лицу, скрещиваешь руки и берешь за бока товарища, а потом делаешь поворот руками, и твой напарник напоминает пропеллер. К счастью эта забава обходилась без последствий,

В садике мы устраивали и акции неповиновения. После дождя на асфальте остались лужи. Воспитательница сказала,

чтобы мы не бегали по лужам. Получилось же все наоборот. Один мальчик пробежал по лужам, воспитательница его отругала, затем другой пробежал. Я не удержался и тоже пробежал. После этой шалости четверых ребят, в число которых попал и я, лишили прогулки.

Помещение нашей группы состояло из двух комнат. В первой комнате стояли шкафчики для вещей. Во второй, просторной комнате, у окон стояли столы со стульчиками, за которыми мы занимались, а остальная часть комнаты была игровой зоной, но в обеденное время нянечка и воспитательница расставляли раскладушки и стелили нам постели. И эта часть комнаты превращалась в спальную комнату.

Раскладушки и постель размещались в деревянном шкафу вдоль стены, разделяющей первую и вторую комнаты. Так вот, однажды, когда все дети уже переоделись, и нужно было ложиться спать на послеобеденный сон, мы втроем надели на голову шорты и стали выглядывать из первой комнаты, во вторую представляя себя космонавтами или танкистами в шлемах. Дети почти все уже легли спать, воспитательница сидела спиной к нам и не видела, что творится позади нее. Сначала начались сдавленные детские смешки, а дальше больше. Мы раззадорились и потеряли бдительность. Мы уже не просто выглядывали в дверной проем, а входили в комнату на один – два шага и убегали назад. Было очень весело.

И вдруг, воспитательница оказалась рядом с нами. Она

взяла нас в охапку, одела всем шорты на голову и вытолкнула на середину комнаты. Мы сопротивлялись, как могли, но оказались слабее. В общем, мы стояли, понутив голову и шмыгая носами. Все хохотали с нас, но нам в этот раз было совсем не весело. Но этого воспитательнице показалось недостаточно, и она нас всех запихнула по очереди в шкаф. Сопротивлялись мы конечно отчаянно, упирались и ногами и руками, но оказались все в шкафу под замком. Но после пары минут растерянности, шалости возобновились. Мой друг придумал карабкаться вверх по шкафу и выглядывать в одно из верхних незакрытых окошек. Веселье разыгралось с новой силой, мы все карабкались вверх и выглядывали в разные окошки. Шкаф был шириной метра три и высотой до потолка комнаты, так что трем шестилетним шкетам места там было предостаточно. Воспитательница с трудом извлекла нас из шкафа и строго приказала идти и ложится спать, иначе мы сейчас же обо всем пожалеем.

Одна из наших воспитательниц была добрая, а со второй происходили все описанные случаи. Однажды мы сидели за столиками, выполняя учебное задание. Среди детей началось баловство охватившее всех. Воспитательница сказала, чтобы мы все встали и подняли руки вверх. После того как мы все приняли это положение – она принялась объяснять, что если так стоять долго, то кровь уйдет из рук, и руки отсохнут. Так что нам лучше не баловаться, иначе она нас так оставит надолго...

Мама считала, что я мальчик болезненный и мне рано идти в школу, поэтому она решила оставить меня в садике еще на год. Моя группа выпускалась и уходила в школу, мне же предстоял еще год в садике. Сейчас, я думаю, ведь я, оставаясь в садике с группой младшей меня на год, должен был бы помнить тот год, ведь я должен был быть там как король. Но самое интересное это то, что именно про тот год в садике у меня воспоминаний практически нет. Хотя я помню, что было раньше. До этого года мои воспоминания имели яркие памятные моменты, в тот же год я уже был и постарше, но воспоминаний не сохранилось.

Помню один эпизод. Моя новая группа летом на прогулке. Это первый день в новом коллективе. Я иду к детям группы, они вдруг оживляются. Потом воспитательница начинает повышенным тоном отчитывать кого-то из карапузов. Затем один карапуз отделяется от группы и бежит в мою сторону, практически прямо на меня. Лицо у него полно восторга, и кажется, что он меня не видит, бежит он прямо на меня и просто собирается пробежать сквозь меня. У меня в голове нет и мысли, что этот карапуз может считать себя сильнее меня, отходить в сторону у меня не было ни малейшего желания. Следом за ним быстро идет воспитательница.

Когда он оказался со мною нос к носу я просто схватил

его в охапку и уложил на землю. Я сверху придавил его своим телом, хотя по комплекции он был всего лишь немного меньше меня. Я ведь в своей старой группе был далеко не самым крупным. В общем, он лежит, на его губах еще осталось чувство какого-то щенячьего восторга, а в глазах недоумение и не понимание что же произошло. И это произошедшее, просто не укладывается в его голове. В этот момент подошла воспитательница, я встал с наглого карапуза, воспитательница сказала мне идти к детям, а сама ушла с малышом. Вот это и есть, пожалуй, единственное яркое воспоминание о садике в новой группе.

В моем подъезде на пятом этаже жил мальчик старше меня года на три. Он был крепкого телосложения и поэтому всегда тянулся играть с более взрослыми детьми. Я видел его пару раз лежащим на лавочке возле подъезда. Как я слышал, старшие ребята его иногда били. Он лежал на лавочке, скрючившись от боли, но чтобы он плакал или кому-то жаловался – этого я не видел. В будущем он вырастет и станет мастером спорта по боксу в тяжелом весе и будет в нашем городе очень уважаемым человеком, но это произойдет намного позже.

Во дворе мы играли в футбол и в «слона». Для игры в «слона» нужно было человек восемь – десять, которые делились на две команды. Одна команда выстраивалась в ряд, все пригибались и держались друг за друга руками, получалась эдакая сороконожка. Члены второй команды, по оче-

реди, разбегались и запрыгивали на спины игроков первой команды. Первым прыгал самый сильный и самый тяжелый из расчета, чтобы под ним «слон» развалился. Он старался запрыгнуть как можно дальше, чтобы было больше места для остальных членов его команды. В идеале на спины первой команды, запрыгивали все участники второй команды. Первая команда должна была сохранить целостность слона, а запрыгнувшие должны были удержаться в своем верховом положении, не дотрагиваясь до земли, пока первая команда не пройдет отмеченную дистанцию, порядка десяти метров. Первой команде засчитывался выигрыш, если никто из них не упал, и им удалось пройти отмеченное расстояние, в противном случае им засчитывался проигрыш. После этого команды менялись местами. Велся счет, и выигрывал тот, кто больше совершит удачных проходов.

Я всегда был высокого мнения о себе, на других смотрел через собственную призму значимости. Кто внушал мне силу, с теми я вел себя осторожно, но были дети, которые не внушали мне ничего настораживающего, и по отношению к ним я мог позволить себе дерзкое поведение. Пару раз в будущем я, недооценив ситуацию, наталкивался на физическую силу, с которой я просто ничего не мог поделать, меня буквально скручивали в бараний рог. После таких столкновений я просто был в недоумении откуда такая превосходящая физическая сила и не находил этому объяснений. Одно, после очередного такого урока, я понимал точно, в данной ситуации я зарвался на все сто процентов.

Однажды летом, мне было лет семь, мы с друзьями играли во дворе, как раз под моим балконом. Мы были втроем я, мой друг Саша и еще один мальчик, старше нас на пару лет, но нашего телосложения и роста. Я его воспринимал как равного себе. У меня с ним завязался спор, по поводу найденной вещи. Я считал правду на своей стороне, а он решил силой своего авторитета провести свое мнение. Но я категорически был против этого, и у нас завязалась борьба. В ходе, которой он ткнул меня лицом в землю, к тому же я порезал ладонь о битое стекло и вынужден был отправиться домой. Дома отец промыл мне рану и смазал зеленкой. Рана оказа-

лась небольшой царапиной. Ребята подошли к балкону и позвали меня. Я вышел на балкон, внизу стоял мой обидчик и мой друг. Они пришли спросить как у меня дела, обидчик, узнав, что у меня все в порядке, предложил перемирие и дружбу, с чем я согласился. После этого случая у нас с ним на долгие годы сохранится чувство взаимного уважения.

Однажды мама купила мне большой черный пистолет как у красных Комисаров времен революции. Я этот пистолет просто обожал. Мы с детьми часто любили играть в «войнушки». Мы делились на две команды и начинали вести военные действия во дворе и подвале нашей пятиэтажки. Мы ползали по асфальту, и в траве, стараясь незаметно подкрасться к соперникам, потом следовало выскочить, выставить оружие и закричать пистолетную или автоматную очередь, в зависимости от того оружия, которое у тебя было. Иногда возникали споры, кто кого первым застрелил. Играли дети 6—9 лет. Старшие ребята, в спорных случаях, объясняли младшим, что тот не мог в него попасть, так как он бежал, и поэтому в него попасть было невозможно, или он заметил, что стрелявший кричал очередь, а оружием целился в другую сторону и так далее. Каждая батальная сцена могла длиться до десяти минут, но после ее окончания все повторялось вновь, только в этот раз команды менялись местами. Теперь одна команда удалялась в недоступное место и готовилась к наступлению, а участники второй команды выбирали места поудобней для засады и обороны. Всем этим бое-

вым действиям велся счет побед, чтобы потом определить окончательного победителя.

И вот я играл с моим новеньким пистолетом, многие с интересом смотрели на мой пистолет, по крайней мере, мне так казалось. Он всем очень нравился. Мы с моим другом играли за домом. Там был колодец с задвижками на теплотрассу. Люк в колодец был открыт. И мы с другом залезли в колодец и вели из него обстрел по окружившим нас со всех сторон врагам, мы были в запале и орали в два горла на всю улицу. К колодцу подошла худощавая старушка и начала нас сильно ругать. Мы вылезли из колодца и отбежали от него, чтобы быть подальше от старушки. Она продолжала на нас кричать и размахивать руками, затем она подобрала мой пистолет, который я забыл возле колодца и, не прекращая кричать, сунула его в сумку. Мы с моим другом начали кричать, чтобы она отдала пистолет, но она ответила что-то вроде, что отдаст его в милицию и пошла своей дорогой. Вот так я лишился своего замечательного пистолета.

Летом мы любили играть во дворе в битки. Перед входом в подъезд было крыльцо шириной метра три с половиной и длиной метра два. В зависимости от уклона рельефа земли крыльцо было с одной или двумя ступеньками, но в некоторых подъездах оно было очень высокое и имело до шести – восьми ступеней на всю ширину крыльца. На одном из крылец мы и играли в битки. Битки это глазурованные керамические квадратики размером два на два сантиметра и тол-

щиной четыре пять миллиметров. Битки были в основном белого цвета, но попадались голубые и синие, которые особенно ценились. Эти битки отпадали от наружной поверхности железобетонных стеновых панелей жилых домов, или мы их отбивали специально, но это было для семилетнего мальчугана не простой задачей. Каждый играющий давал одну или несколько биток. Битки устанавливались башенкой под стенкой. Все играющие отходили на конец крыльца и бросали по очереди битки в установленную башенку. Кто сбивал башенку, тот и выигрывал рассыпавшиеся битки.

Любимыми играми у нас были жмурки, латки-догонялки и, конечно, игра в пекаря.

Летом моя семья переехала в новую квартиру. Мы обменялись квартирами с родителем нового папы. Они переехали в нашу полуторку, а мы в их трехкомнатную. Новая квартира была на пятом этаже, в доме, довольно далеко отстоящем от моего старого дома. Ситуация снова складывалась для меня не лучшим образом.

Мне нужно было в очередной раз приспособливаться к новым жизненным условиям. Я лишился всех своих друзей не только потому, что они шли в школу, но и потому, что я уезжал из старого двора, а там у меня был один просто замечательный друг, мы с ним очень сдружились и проводили все время вместе. Потеря настоящих друзей всегда оставляет рубец в душе.

Меня оставили в садике с малышами, я этого очень не хотел, это был сильный удар по моему детскому самолюбию, но меня никто не спрашивал. Я находился в состоянии безразличия и безысходности, поэтому все, что было в садике в тот год у меня просто стерто из памяти.

Помню день переезда в новый дом. В нашей квартире уже находятся родители моего отца, у нас собрались все родственники по линии отца, накрыли стол и отмечают это радостное событие для моих родителей. Вечером мы должны идти ночевать в новую квартиру. Я вышел погулять на ули-

цу, был летний вечер. Мы с моим товарищем ходили понуро, ему было жаль, что я уезжаю, и мне было очень жаль и тяжело на душе.

Запомнилась атмосфера того вечера. Было спокойно и грустно. Кажется, что все было хорошо, но душа просто не верила, что может быть все так хорошо. Казалось, что если так хорошо, то это может быть совсем не долго, и что после этого последует что-то ужасное. Все это ощущают и не радуются временному спокойствию, а тревожно ждут, что же последует за этим обманчивым умиротворенным состоянием затишья перед бурей.

Так было и в тот вечер. Я ожидал чего-то нового, но уже точно знал, что все радостное и счастливое остается здесь, и что уже началось нечто новое. И в этом новом, лично для меня ничего радостного не предусмотрено, я там буду актером третьего или четвертого плана. Уже смеркалось, показались первые звезды. Во дворе были металлические трубы с перекладиной вверху в виде буквы Т, на них натягивали веревки и сушили белье. Мы с моим другом стали возле одной из труб, взяли за нее одной рукой и закружились, бегая по кругу как можно быстрее. Особенно было приятно поднять голову и смотреть в небо на звезды, которые закружились над нашими головами. Это было радостно, и в душе, в это мгновение, появилось ощущение праздника. Вскоре мои родители вышли из дому и позвали меня. Мы с моим другом обнялись, словно прощались на всю жизнь, и я ушел.

Мама была счастлива, переезд был ее идеей, переговоры по этому поводу велись не один год, но в этот раз родители отца согласились. Для меня это было не понятно и неожиданно.

Родители отца были против его брака с моей мамой, моя мама им не нравилась. Не то, чтобы я хотел себе нового папу, мне было хорошо и с мамой, и никто мне больше был не нужен, но факт что кому-то не нравится моя мама, меня очень огорчал. В отместку за это я был зол на них как волчонок. Моя месть проявлялась в том, что бабушку Нину я называл ни как иначе как БабНиной, это было желчно и демонстративно-подчеркнуто. Помню, как-то бабушка спокойно так, добро, говорит, внучек, называй меня бабушкой, а я так тихонько только долдоню ей – бабНина и бабНина. Я с ней не шел ни на какие уступки. Хотя для меня она всегда была доброй, не помню, чтобы она меня ругала или при мне говорила, что-нибудь плохое про меня или маму. Но я в своем упрямстве был непреклонен.

Когда мы жили в старой квартире, меня иногда оставляли с бабушкой Ниной. Она мне рассказывала разные истории. После войны она работала билетером в кинотеатре. Фильмы часто показывали на выезде под открытым небом. После войны появилось много американских фильмов – гуманитарная помощь союзников. Бабушке особенно запомнились фильмы о Тарзане, и она рассказывала мне про них во всех подробностях. Я с открытым ртом слушал каждую новую ис-

торию про человека, который вырос в джунглях среди горилл. Еще мы смотрели с ней фильмы по телевизору и так коротали время, когда меня оставляли у неё.

В новой квартире у меня была своя комната. Мне запомнилось, что на балконе был установлен блочек с веревкой. Его сделал дедушка для бабушки. Бабушка была полной и лишней раз подниматься и опускаться по лестнице, для нее было тяжело. А этот блочек был сделан, чтобы она поднимала сумки снизу на балкон. Дедушка приезжал с работы и чтобы ему не подниматься, бабушка опускала веревку с крючком, он прикреплял сумку с продуктами. После этого бабушка поднимала груз, подтягивая веревку.

Зимой по всем комнатам в квартире лежали резиновые шланги. По этим шлангам дренировали воду с батареей, чтобы вышел воздух и горячая вода начала циркулировать по системе отопления. Квартира была обычной стены и потолок в комнатах были побелены, в кухне, туалете и ванной комнатах стены на высоту метра полтора были покрашены, синей краской, а выше побелены. Туалет отделялся перегородкой от ванной, ванная отделялась перегородкой от кухни. В этих перегородках были сделаны застекленные оконца высотой сантиметров тридцать пять и шириной сантиметров сорок. Эти окошки были сделаны, чтобы естественный свет попадал в эти помещения. Для меня они были интересны тем, что через окошко в ванной я мог наблюдать за мамой в кухне, это было интересно, так как она не знала, что

я за ней наблюдаю, или же я просто гримасничал и пытался напугать ее через это окошко.

В детстве у меня было хобби, я собирал марки и значки. Это хобби возникло само по себе. Я просил у мамы несколько копеек, чтобы купить понравившуюся мне марку или значок. С деньгами в семье всегда была напряженность, как до нового папы, так и после. Насколько помню, мама все время искала, у кого бы можно было занять денег, а потом была цель до нового года раздать все долги. В новом году все повторялось заново. Несмотря на это несколько копеек мне удавалось выклянчить, особенно когда мама получала пенсию на меня. Одну или две марки в месяц я умудрялся купить. Марки и значки я покупал без разбору, выбирал те, которые мне просто понравились, и на которые мне хватало денег, остальные я просто любил рассматривать в витрине.

Особых увлечений у меня не было, мой досуг состоял из времени проведенного в садике и времени проведенного дома. Дома я, как правило, играл в солдатики, устраивая виртуальные войны из разных исторических эпох. В то время продавались маленькие пластмассовые солдатики высотой пять – шесть сантиметров. Были разные наборы, но в каждый набор входило десять разных фигурок в движении и с разным вооружением по одной тематике. Наборы были индейцев, ковбоев, викингов, римлян и египтян. Все солдатики были одного цвета в наборе, либо черные, либо коричневые. Набор таких солдатиков стоил порядка полудо-

ра рублей. Продавались еще аналогичные солдатiki, но побольше, высотой – сантиметров пятнадцать, эти солдатiki продавались уже поштучно, и их ассортимент был невелик. Было несколько солдатиков викингов и несколько солдат Советской Армии времен Второй Мировой войны. Иметь всех этих солдатиков для мальчика было предметом гордости. Я постепенно выпрашивал у мамы, чтобы она купила мне тот или иной набор. Каждая новая игрушка для меня была настоящим праздником, особенно если я получал именно желаемую игрушку.

Особо теплые чувства у меня были к бабушке Саше. Когда она приезжала к нам, для меня это всегда был праздник. Она привозила пирог и пирожки, которые я обожал. Мама практически ничего не пекла, иногда она делала печенье в духовке, что тоже было очень вкусно, но, к сожалению, не часто. Сладости в нашей семье особенно не водились. Мед, грецкие орехи, апельсины, мандарины были для меня чем-то, что делает человека счастливым. Бабушку я еще любил, потому что она на ночь мне всегда рассказывала сказку. Сказки на ночь я очень любил, а она готовилась, и каждый раз это была новая и захватывающая сказка.

Наш повседневный рацион состоял из борща или супа, вареных яиц или яичницы, вареной или жареной картошки, каши рисовой или гречневой, иногда пшеничной. Мама делала на выходных кастрюлю котлет из фарша, которые мы потом ели в течение недели. Иногда тушили мясо или жарили ры-

бу, открывали баночку рыбных консервов. Бывали молочные блюда. Для меня в детстве старались варить манную кашу, которую и терпеть не мог.

В раннем детстве меня кормили манной кашей, разыгрывая воздушные боевые баталии. Со словами наш самолет подбит и падает, до аэродрома он не дотянет и ему необходима срочная экстренная посадка – я открывал рот, и, спасая виртуальный самолет от гибели, получал очередную порцию каши.

Иногда меня отвозили, на несколько дней, погостить к бабушкам. Оставляли в основном у бабушки Ани, но мне нравилось гостить у бабушки Саши. Бабушка Аня с дедушкой Вовой, когда я к ним приезжал, принимали меня как некоторую проблему и просто позволяли мне погостить у них. Когда я от них уезжал, они, кажется, испытывали некоторое облегчение. Я для них был как крест, который они просто обязаны иногда нести по жизни, но особой любви и заботы с их стороны я не чувствовал. Когда же к ним приходила бабушка Саша, чтобы взять меня к себе, то я старался не демонстрировать своей радости по этому поводу и сохранял показное равнодушие для них.

Однажды, будучи у маминых родителей, я приболел. У меня поднялась температура. За мной пришла бабушка Саша, в дом ее никогда не впускали, и она всегда стояла у калитки. Бабушка Аня сказала, что я болен, и мне лучше никуда не ходить. Бабушка Саша начала говорить, что она обо мне позаботится и все будет нормально. Бабушка Аня настаивала на своём. Я стоял рядом и молча, наблюдал за взрослыми, я очень переживал, что меня оставят здесь, поэтому, когда чаша весов начала неуклонно клониться не в мою пользу, в игру вступил я. Мое выступление сопровождалось слезами, всхлипыванием и невнятным сопливым монологом.

Со стороны это выглядело не ахти как, но мы с бабушкой Сашей скоро шли к ней домой, все остальное просто не имело никакого значения.

Когда я был с бабушкой Сашей, я чувствовал, что это ей приятно, и она старалась сделать для меня все что могла. Она всецело посвящала себя мне. Кроме пирогов и пирожков я у бабушки Саши любил тонкие блины, которые она жарила на сковороде. Если дома и у родителей мамы я был представлен себе, то здесь я был центральной фигурой, вокруг которой начинал вертеться весь мир, и мне это было чрезвычайно приятно. Здесь я чувствовал себя в своей тарелке, и вся моя жизнь должна была быть именно такой, в этом я был уверен.

Бабушка Саша однажды рассказывала, что как-то я пришел к ней и попросил, чтобы она сварила мне манной каши, и после всего прибавил, что если у бабушки нет молочка, то кашу можно сварить и на воде. Бабушка спросила, а где я ел манную кашу на воде, а я рассказал, что у бабушки Ани. У нее не было молока, и она сварила мне кашу на воде. Бабушка улыбнулась и сказала, что молочко для каши она найдет.

В новой квартире у меня появился страх темноты. Я не мог войти в комнату, в которой было темно. Это доходило до абсурда. Одним вечером мы с мамой были на кухне. Она попросила меня пойти в соседнюю комнату и принести стул. Я отвечаю, что не могу этого сделать, так как там темно, а я

боюсь. Она начинает меня убеждать, что она рядом и бояться нечего, но я ничего не могу с собой поделать. Мне нужно всего-то пройти два метра по коридору и там начинается прихожая, где можно включить свет и двигаться так дальше. К тому же выключатель находится в зоне видимости кухни и туда проникает свет из кухни, но я уперся, нет мол, и все. Мама уже и кричала и даже потянула меня волоком до выключателя, но я в истерике вырвался и убежал в кухню. Маме все это надоело, и она махнула на меня рукой.

На мой страх, кроме испуга, наверное, влияли снившиеся мне тогда, кошмары. Спал я один в своей комнате. Я прижимался к стеночке и побаивался, чтобы серый волк не укусил меня за бочёк и не утащил туда, где все будет весьма печально. Только вот ночью, один и в полной темноте, все это я воспринимал без юмора, у меня не было никакого ночника, свет в комнате был только тот, что проникал с улицы через окно, но так как мы жили на пятом этаже, света было не очень много. Я лежал в кровати, кутаясь в одеяло, и мне казалось, что под кроватью или в темном углу может кто-то быть, и он ждал, пока я усну.

Одно кошмарное сновидение из детства я помню и сейчас. Я сижу в кухне, нашей новой квартиры, и вдруг у меня появляется ощущение, что ко мне приближается, нечто ужасное, я его еще не вижу и не слышу, но чувствую что оно все ближе и ближе. А я сижу и мне некуда деться, так как по единственному коридору в кухню ко мне идет опасность. И вот

появляется что-то большое, черное и лохматое. Оно идет, покачиваясь и переваливаясь с ноги на ногу, и хотя оно выглядит неповоротливым, проскочить мимо него невозможно, так оно собой заполнило весь коридор. Я встаю со стула, и намерен дать самый основательный отпор, просто так сдаваться мне не позволяет моя мальчишеская гордость. Я цепенею от ужаса, когда эта громадина подходит ко мне и начинает наваливаться на меня. Я поднимаю руки и собираюсь бороться, но руки и ноги у меня ватные и от прикосновения к чудищу я начинаю оседать, а ноги подо мной подкашиваются. Оно на меня наваливается и заслоняет собой весь мир. И тут я проснулся...

Летом, когда мне исполнилось восемь лет, и я должен был идти в школу, меня вновь ждал принеприятнейший сюрприз со стороны моих родителей. Меня отправляли снова в санаторий на три месяца, но уже под Киев. Мне было сказано, что уже не только раз в неделю ко мне никто не сможет приехать, но и через две и три. Родители постараются меня проведать месяца через полтора и приедут на два три дня. Для меня это было весьма печально.

Дело в том, что я состоял на учете в тубдиспансере. И вроде бы у меня в организме была, какая-то палочка или какой-то очаг. Мне, впрочем, как и всем детям делали прививку в руку, ее называли пуговкой. Место прививки нельзя было мочить и чесать. Через три дня врач осматривал прививки. У кого был только след от прививки в виде дырочки – тот был здоров. У кого было покраснение на руке, то тут уж брали линейку и мерили размер этого покраснения. У меня это красное пятно было размером с пятак и все говорили, что это плохо. Маме предлагали меня пролечить в санатории и меня лечили по всем рекомендациям врачей.

В Киев мы поехали втроем – мама, папа и я, как говорится вся моя семья. Мама на работе договорилась со знакомой, чтобы мы в Киеве пожили несколько дней у ее дочки. Останавливаться в гостинице нам было не по средствам, а хоте-

лось, какого-то культурного досуга, раз уж представилась такая возможность.

Билеты на поезд мы покупали в предварительной кассе у себя в городке. Два места у нас было в одном вагоне и одно место в другом. Когда мы сели в поезд, я был с мамой, а отец в другом вагоне, оказалось что на наши места билеты имеют и другие пассажиры. И эти пассажиры, имели больше прав на наши места. Проводница нашла где-то одно место, и я вместе с мамой ехал на этом одном месте. Вернее я ночью спал, а мама сидела рядом.

Вот мы и приехали в Киев и стоим на железнодорожном вокзале, смотрим на город и пытаемся сориентироваться, куда и чем нам ехать. У меня тогда была вредная привычка. Я открывал рот и старался растянуть его как можно шире, это длилось несколько секунд, периодичность была, наверное, минут двадцать – тридцать. Я это делал, потому что чувствовал какую-то скованность на лице, и это мне помогало избавиться от неприятного ощущения. Отец мне сказал, что по Киеву расставлены камеры, на которые меня снимут с раздрающимся ртом и вечером покажут по телевизору по всей стране. Я испугался, начал оглядываться по сторонам и старался больше так не делать.

Остановились мы в многоэтажном доме. В этом доме было этажей шестнадцать, мы были, где-то на девятом этаже. С балкона смотреть на город было страшно. Таких домов рядом было несколько, вдоль их проходила городская дорога,

довольно оживленная. Перед домом перейти дорогу, на мой взгляд, было просто невозможно. Под дорогой был подземный переход. За дорогой находился парк, засаженный деревьями, там был водоем, и стояли качели – карусели. Помню, какое удивительно-приятное ощущение я испытал, когда мы вошли в подземный переход в шумном городе и вышли из него в парке, ниже уровня дороги, где уже было слышно лишь щебетание птиц.

Мы гостили в принявшей нас семье два – три дня. Один день мы потратили на то, что сходить в музей Великой Отечественной войны. Этот музей открылся совсем недавно и был очень помпезный и патриотический. Некоторые моменты из музейных экспозиций запечатлелись в моей памяти очень сильно. Особенное впечатление величественности всего этого производила венчающая музей многометровая скульптура Родины – матери.

Долго ли коротко ли, но в один из дней мы приехали трамваем до конечной остановки «Пуща- водица» и в лесу нашли детский санаторий республиканского значения. В памяти запечатлелась картина соснового леса, до этого я в лесу никогда не бывал. Как меня оформляли, и как я прощался с родителями, почему-то не помню. Вспоминаю, как медсестра привела меня, до глубины души расстроенного, в комнату, где было человек восемь детей, все они спали, так как был тихий час. Она подвела меня к пустой кровати и тихонько сказала, чтобы я ложился и поспал. Я всегда очень сильно

расстраивался, когда меня где-то оставляли одного, тем более на три месяца. Так я попал на три месяца в Киев, столицу Украины.

Я проснулся. Оказалось, что я уже не дома, рядом нет родителей, и меня окружают только незнакомые люди. Мне захотелось завывать во все горло.

Все дети с нашей комнаты, а также дети с других комнат, которые входили в одну группу, пошли на прогулку в лес. Я переживал в той ли я группе, так как ко мне никто не подошел из воспитателей и не расспросил меня кто я и откуда. Но все шло, и я тоже шел в потоке детей. Шли мы без особой организации. Нас вела женщина воспитатель и возле нее шла основная группа детей. Часть детей забегала вперед, часть детей приотставала, играясь и ребячась. Я тянулся в хвосте группы. Из санатория мы по тропинке между деревьями и кустами подошли к пролому в заборе и через него вошли в лес.

Мне запомнился момент, как мы подходим к забору, основная группа детей уже влилась в лесной массив. Я и несколько разбышак, в конце процессии, подходим к пролому. Здесь возле забора рос огромный гриб мухомор, мне он был по пояс. Я такие грибы видел только в книжках. У него была большая красная шляпа с белыми пятнами, на белой ножке было несколько белых мохнатых шарфиков. Ребята, схватив палки, изрубили гриб, и от него практически ничего не осталось.

Где бы я ни был, у меня всегда появлялся закадычный друг. Дружба завоевывалась на взаимном уважении и симпатии друг к другу. Здесь в санатории я приобрел замечательного друга, с которым мы дружили весь мой срок пребывания здесь. Правда, не сразу все складывалось так.

В нашей спальном комнате было человек восемь. И как полагается, в любом коллективе складывается своя негласная иерархия. В нашей комнате ребята были разного возраста чуть старше и младше меня. Один из мальчуганов из нашей комнаты, решил, что он посильнее меня и позволял себе разные вольности в мой адрес. Я не видел преимущества его надо мной и поэтому оказывал ему отпор.

Однажды, после тихого часа, послеобеденного сна, он меня в очередной раз зацепил, а я естественно ответил ему. Он очень сильно возмутился этому и подошел ко мне вплотную для морального подавления. В это время все вышли из комнаты и собирались возле воспитательницы на улице, чтобы идти в столовую. В комнате мы остались одни. Я конечно попытался выскочить, чтобы избежать физического конфликта, но он преградил мне дорогу и взял меня за грудки, объясняя, что он тут главный. Так как мне отступить было некуда, а сдаваться я сразу не хотел, то и я взял его за грудки и сказал, чтобы он оставил меня в покое. Он этого не ожидал, и я видел по его лицу, что его возмущению нет предела. Он толкнул меня, я толкнул его посильнее. Мы были одинакового телосложения, поэтому особенного преимущества

никто не имел. Он попытался ударить меня, а я ему ответил с большей силой. Когда мне приходилось драться, у меня был принцип, ждать, когда на меня нападут и ответить обязательно посильнее. Поэтому я повторял все за ним, но старательно прикладывая все больше и больше сил.

Мы схватились, и вся комната превратилась в поле рукопашного боя. Мы катались по кроватям и под кроватями. По всей комнате были разбросаны подушки и постельное белье, матрасы с кроватей были скинуты, но никто физического превосходства не получил. В результате мы обессиленные сидели бок о бок на полу, облокотившись на кровать, и тяжело дышали. Он с уважением посмотрел на меня и спросил: «Мир?», я сказал: «Мир». После этого мы совершили магический ритуал вечной дружбы, который друзья совершали между собой после очередной драки или ссоры. Мы обнялись мизинцами правых рук и совершили заклинание: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, а если будешь драться, то я буду кусаться, а кусаться не причем буду биться кирпичом». После этого мы навели порядок в комнате и счастливые, с улыбками на лицах отправились к нашей группе.

Насколько процесс адаптации в этот раз был слезливым, не помню, но меньше трех недель он длиться не мог. Я грустил со слезами на глазах, иногда стоя в коридоре или глядя через окно на дорогу, ведущую из санатория.

В санатории у нас была игровая комната, в которой имел-

ся телевизор. Иногда, раз в месяц, мы выезжали на автобусе на экскурсию в Киев. Когда была хорошая погода, мы практически каждый день устраивали с воспитательницей прогулки в лес, поэтому дорожки и тропинки вокруг санатория мне были хорошо известны. В лесу мы собирали грибы, а воспитатель рассказывала нам какой гриб как называется и какой съедобный, а какой нет. В лесу мы также собирали землянику и лесные орехи – лещину. Честно говоря, здесь было очень интересно и познавательно.

Родители оставляли воспитателям небольшую сумму денег, чтобы ребенок мог попросить воспитателя купить ему что-нибудь, если захочется. Для всех роскошной покупкой была бутылочка Пепси или Фанты. В Киеве эти напитки продавались свободно и мы от них были просто в восторге, но стоили они дороговато. Если у воспитателя было моих максимум 10 рублей, то бутылка Пепси стоила копеек 75, а эти деньги давались месяца на два – три, поэтому сильно не разгуляешься.

В санатории была камера хранения, где хранились наши большие сумки с вещами, с которыми мы сюда приезжали. Сумки, как и все наши вещи, были подписаны с указанием фамилии и инициалов. На вещах надписи были вышиты нитками. Это делалось, для того чтобы вещи не терялись. Их приходилось сдавать в стирку, и чтобы потом узнать свою вещь, нужна была именная надпись. Это также делалось, чтобы исключить возможное воровство вещей. Комна-

та хранения работала определенные часы, там была дежурная, которая следила за тем, чтобы каждый общался только со своей сумкой.

Досуг мы проводили по-разному. Мы любили играть в «танчики» и «крестики-нолики». В «танчики» играли в тетрадке, на листе с разворотом. На одном листе рисовался крест и танки фашистов, на другом развороте рисовалась звезда и советские танки. Кто кем будет, договаривались заранее. Рисовали, к примеру, каждый по семь танков. Затем кто-то стрелял первым. Стрелял, значит, на своем развороте рисовал шариковой ручкой жирную точку. Затем лист перегибался по развороту и с обратной стороны листа, где был произведен выстрел, его передавливали на поле противника. Если переведенная точка попадала на вражеский танк, то он считался взорванным и на нем рисовали взрыв. Если точка не задевала танк, то ты промахнулся и рисовался символический взрыв в месте точки. Выигрывал тот, кто быстрее уничтожал вражеские танки. Очередность выстрелов была разная. Я однажды проиграл рубль мальчугану на спор, который был старше меня. Выглядел он болезненным, ростом был чуточку выше, и я считал его слабаком. Говорили, что у него вырезали одну почку. Играл он в «танчики» отлично.

Он похвастался мне, что подойдет сразу у меня подряд три танка, а я у него ни одного. Меня это задело. Мы поспорили на рубль, нарисовали танки и он начал первым. Вот он выстрелил раз и подбил мой танк, я собираюсь взять у него

тетрадь и произвести свой не менее точный выстрел, но он не дает мне тетрадь и, между прочим, сообщает мне, что тот, кто попал, стреляет еще раз. Я начинаю возмущенно спорить, но он спрашивает своих товарищей, правильно ли он говорит и они подтверждают его слова. Я не согласен, но он держит тетрадь и мне ее отдавать не собирается. Он производит еще пару выстрелов и подбивает мои еще два танка. Он констатирует свою победу и требует от меня рубль. Я считаю себя обманутым, и не собираюсь отдавать деньги. Его лицо после этого преобразилось и стало довольно не привлекательным и злым. Он начал меня пихать руками я в ответ пихал его, но, к сожалению, его толчки были ощутимее моих, и он прижал меня к стенке, я разволновался и несколько струхнул. Чтобы прекратить эту перепалку я пообещал отдать ему деньги, когда они у меня появятся, но я ему деньги так и не отдал, хотя он частенько просил вернуть должок. Видно хоть я и оказался слабее его, но так как я ему оказал все-таки сопротивление, ему пришлось простить мой долг. А он видел, что я ему просто так деньги отдавать не собираюсь, и когда он подходил ко мне, я говорил, что денег сейчас у меня нет.

В первый класс я пошел в санатории. Это радостное событие мне разделить было не с кем, никого из родных рядом не было. Мое первое в жизни первое сентября осталось обычным будничным событием. Умел ли я тогда читать и писать не помню, так как со мною никто до этого особо не занимался, но из садика основы грамматики я знал и поэтому связь с домом поддерживал через переписку. Мы дети здесь, как солдаты в армии, ждали писем из дому, и с жадностью читали каждое слово. Я получал письма от мамы, бабушки Саши и бабушки Ани. Они мне писали печатными буквами, чтобы я крепился, ведь я будущий мужчина, чтобы я не плакал, и что все будет хорошо. А я читал их письма и рыдал как девчонка.

Я писал письма родным в ответ, правда, они были очень короткие, но я старался, как мог. Переписка для меня много значила, я жил от письма до письма и с каждым письмом мой срок пребывания в санатории истекал, хотя и не очень заметно. Письма я получал каждую неделю и старался ответить на каждое и каждому. Особенно теплыми были письма от бабушки Саши.

Чтобы писать письма, нужно было покупать почтовые конверты. Конверты были двух видов: обычный, письмо, в котором шло ко мне домой три дня и АВИА конверт, в этом

конверте письмо доходило быстрее, так как эти письма перевозили самолетом. По цене конверты отличались ощутимо. Обычный конверт стоил копеек пять, а АВИА конверт стоил копеек пятнадцать. Я писал и получал письма в обычных конвертах, хотя пару раз шиканул и отправил письмо в АВИА конверте. АВИА конверт был более красивый. На нем, вверху голубенькими буквами было написано АВИА.

В школу каждый должен был идти со своими школьными принадлежностями и учебниками, которые нужно было получить в своей школе, где мы жили. Мама писала, что мне должны завезти школьный портфель со всем необходимым дядя Эдик и тете Люда, сестра моего отчима. В общем, с неделю или две у меня ничего не было, а потом они все-таки приехали. Они все привезли и даже взяли меня с собой и устроили экскурсию по Киеву. Мне особенно запомнилась поездка на фуникулере, это было что-то необычное. Благодаря фуникулеру я и запомнил, что они меня брали с собой.

Школа в санатории находилась в отдельном здании. Нас первоклашек было не очень много, человек десять – двенадцать. Наш класс был не большой, но уютный. Уроки длились не 45 минут, как в обычной школе, а всего 30 минут. Учительницу я не помню, но учила она нас старательно, так как когда я пришел в свою школу, то отставаний по учебе у меня не было.

Мои воспоминания в санатории связаны в основном с дет-

скими шалостями и досугом. Утром и после обеденного сна у нас измеряли температуру, и у кого она была повышенная, оставляли в комнате и в школу, заболевший, не шел. Градусники мы различали как мальчачьи и девчачьи. Металлический наконечник в градуснике мог быть плавно закругленным – это был девчачий, а с утонченной шейкой и овальным окончанием – это был мальчачий. Было много шума и споров кому, какой достался градусник в этот раз.

У нас была хитрость, чтобы не идти в школу мы набивали температуру до разной величины. Затем делали грустное лицо, и после того как медсестра проверяла температуру оставались в палате и играли целый день. Но однажды мы прокололись всей комнатой. Температуру набили себе все ребята из нашей палаты, хотя мы и не договаривались об этом. В конечном итоге нас всех оставили. А мы вместо того, чтобы тихонько лежать, впали в некую эйфорию, от радости, что нам удалось так облапошить медицинский персонал. И вот через час в нашу комнату открывается дверь, заходит врач, чтобы сделать обход и что же он видит. Мы все как один скачем по палате, прыгаем на кроватях, в воздухе летают бумажные самолетки и так далее... В общем, через полчаса после устного строгого предупреждения: «Больше так не делать», мы были все каждый в своем классе на школьных занятиях.

Среди детей ходили байки, что при прогулке в лес ребята видели самолет и танк в болоте, и всем хотелось туда отправиться. Поговаривали также, что один мальчик нашел в лесу

патроны и на тихом часе под одеялом ковырялся в патроне и тот взорвался, а весь потолок был в его крови.

Однажды была история, что один мальчик, старший меня года на три, убежал из санатория. Перед этим к нему приехал отец, проведать его и обмолвился, что он живет в какой-то центральной гостинице. Отец уехал, а мальчик так сильно затосковал по дому, что вечером убежал из санатория в ту гостиницу к отцу, чтобы тот его забрал. Отца там уже не было, и милиция вернула мальчика в санаторий. За такое нарушение в санаторий были вызваны его родители и мальчика отправили домой.

Одним из любимых наших занятий было рассказывать небольшие истории страшилки с мистическим подтекстом и чем страшнее, тем лучше.

В какой-то период у меня сильно разболелась нога, припухла коленка и стала плохо сгибаться, я даже начал прихрамывать, дней через десять все прошло, врачи меня вылечили.

Один раз я спускался с горки и орал от удовольствия. И когда я уже спустился и вставал на ноги в спину меня ударил другой мальчуган, который спускался следом за мной, не соблюдая дистанции. После внезапного удара я сильно прикусил язык. Во рту появилась кровь, я расплакался от боли и страха за свой язык. Мой друг отвел меня на негнущихся ногах, ревающего, и всего в соплях и слезах в медпункт. Как оказалось ничего страшного не произошло, и мы пошли

обратно к своей группе, которая обедала в столовой. Кушать было несколько неудобно и от горячего язык, какое-то время побаливал.

Одно из ярчайших воспоминаний о санатории – это всесанаторский просмотр фильма «Место встречи изменить нельзя». Когда шел этот фильм по телевизору, все дети и взрослые бросали все дела и собирались перед телеэкраном. Наша комната с телевизором набивалась битком и даже в коридоре стояли сотрудники санатория и смотрели очередную серию с Глебом Жегловым и Володией Шараповым.

Иногда мы играли с детьми в игру, кто кого сглазит. Была договоренность, что серые глаза глазят голубые, карие глаза глазят серые, черные глазят карие, голубые глазят черные. И вот все дети группы подходят, друг к другу заглядывают в глазки и если подходящая пара находится, то ребенок с глазливыми глазками бежит за своей жертвой и старается заглянуть в глаза. Убегающий прячет свои глазки от преследующего и сам ищет у кого можно найти защиты, и чьи глазки сглазят преследующего. Игра была особенно интересно тем, что в нее играли вместе с девочками, и была возможность вплотную подойти к любой девчонке и сказать: " А ну покажи-ка свои глазки». В общем, было много радостного визга и беготни.

В конце сентября, когда еще стояла теплая погода, ко мне в санаторий, на четыре дня приехали мама и бабушка Саша. Они хотели забрать меня домой, но им предложили оставить меня еще на три месяца, так как это полезно для моего здоровья. Я испытал очередной психологический удар. Я уже мысленно был дома, и вот пришлось остаться еще на три месяца. Не без слез, но я остался, вернее, был оставлен.

Мама с бабушкой остановились уже у известных мне знакомых. Они каждый день приезжали ко мне, и мы вместе проводили время. Для меня это были очень счастливые дни. Я был в центре внимания, и все было только для меня. Я был царь, я не ходил по земле я словно парил над нею, правда, это продолжалось всего лишь считанные дни. В Киев мы не выезжали, нам не разрешили никуда уезжать из санатория. Все время мы проводили в беседках на территории санатория или я водил маму и бабушку на прогулки в лес, по известным мне тропинкам. Они удивлялись, как это я ориентируюсь в лесу, а я был довольным их комплиментом и говорил, что мы тут часто гуляем, практически каждый день. Наше время препровождения состояло из прогулок, бесед и кормления меня вкусеньким. Счастливые дни пролетели очень быстро и мама с бабушкой уехали, а я остался на второй срок.

Старшие ребята в санатории занимались поделками. Они

плели из систем для капельниц чертиков и рыбок. Такого чертика или рыбку можно было купить у них за рубль. У некоторых получались просто очаровательные поделки. Я научился тоже плести эти безделушки, но выглядели они не очень красиво, по сравнению с тем, что плели асы этого дела. Еще ребята плели цепочки из тонкой проволоки на маленьких, самостоятельно изготовленных, нехитрых приспособлениях.

Мы любили делать самоходки. Бралась деревянная катушка из-под ниток. На выступающих, на ней боковых гранях вырезались зубья. В середину катушки продевалась круглая резинка. С одного конца катушки резинка крепилась небольшим клином. С другой стороны в резинку вставлялась паста от ручки. Деревянная катушка бралась в руки и сторона с клином прижималась к ней. Пасту, вставленную в резинку, наматывали по часовой стрелке. Резинка внутри катушки скручивалась. Затем катушка ставилась на пол, и она начинала самостоятельно катиться, пока не раскрутится резинка.

Любили также делать рогатки. Каждый мальчик считал, что у него обязательно должна быть рогатка. Простая рогатка делалась из проволоки с изоляцией и простой резинки. Из этих рогаток стреляли пульками, которые делались из небольших кусочков проволоки согнутых пополам. Крутой рогаткой считалось изделие из деревянной рогатины с бинт – резиной. Посредине резины вставлялся кусок из кожи. Из таких рогаток можно было стрелять чем угодно, хоть

камнем, хоть шишкой. Я себе смастерил рогатку из обычной проволоки, только для того, чтобы она у меня была.

Были умельцы, которые из коры сосны делали всевозможные парусники. Для этого отдирали с толстого ствола сосны кусок коры, потолще, и терли его об асфальт, чтобы он принял форму кормы корабля или лодочки. Затем ножиком делали углубление с той стороны, где должна располагаться палуба и крепили мачту с парусом. Освоить практический навык этого изделия мне не хватало терпения и усидчивости.

Здесь, в санатории, я увидел первую в своей жизни живую дикую белку. Белок здесь было много. В некоторых местах можно было даже кормить белок с рук. Подходишь к дереву, где сидит белка, насыпаешь в ладонь семечек и присаживаешься спокойно, с вытянутой рукой. После некоторого колебания белка может соскочить с дерева и направиться к тебе. На некотором расстоянии от тебя она остановится, и, изучающе, посмотрит на тебя. Если ее все в тебе устраивает, то она подходит к твоей вытянутой ладони и берет с неё семечки. Она может взять одну семечку и быстро убежать, а может прямо возле тебя лузгать одну за другой все семечки. Но если ты сделаешь малейшее движение, она очень быстро убегает. Говорили, что она может укусить и тогда рана, будет гнить и очень плохо заживать.

Среди ребят было заведено иметь «Песенник» – это была толстая общая тетрадь, в которую записывались популярные песни, делались рисунки, писались всякие детские непри-

стойности. Например, на вопрос «Что такое любовь?» отвечали – «Это два дурака с повышенной температурой» или «Это две пары ног выглядывающие из-под одеяла» и так далее. В эти песенники записывались адреса друзей. Песенник давали друзьям, чтобы они записали тебе пожелания на память.

Время моего пребывания в санатории подходило к концу. Из разговоров ребят я слышал, что хорошо бы на прощание врачам, медсестрам и воспитательницам сделать подарок в виде бутылки шампанского и коробки шоколадных конфет. Я подсчитал и написал домой письмо, что нужно привезти то-то и то-то.

Забирать меня из санатория приехал отец и привез то, что я попросил по детской наивности. Мы с отцом обошли всех и раздали всем подарки. Много позже мне мама говорила, что они подумали, что этого требовал в санатории персонал и меня заставили это написать, а им пришлось очень сильно потратиться, но это было потом. А в данный момент я был счастливым, что уезжаю как настоящий человек, я всех отблагодарил за все хорошее и теперь с чистой совестью ехал домой.

На улице стояла зима. Мы с отцом отправились на уже знакомую Киевскую квартиру. У хозяев квартиры был сын моего возраста, и родители хотели отправить его на зимние каникулы к бабушке в наш родной городок. Билеты купить из Киева домой в это время было очень сложно. Поэтому наши Киевские знакомые купили по блату билеты для нас, а мы должны были доставить их ребенка к его бабушке. В общем, все были довольны.

До вечера мы прогостили у киевлян и затем отправились на железнодорожный вокзал. Нас было трое, а билетов оказалось всего два, но зато в двухместном купе. Я со своим новым другом должен был делить одну койку. Кроме всего прочего этот день мне запомнился тем, что на соседнем пути стоял состав с заключенными. Был морозный декабрьский вечер, около семи часов, за окном вагона падал снег и рядом стоял спецсостав. На душе было печально. Я уезжал из уже обжитой общности людей и предметов, где я провел шесть месяцев, то есть одну десятую часть своей сознательной жизни. Мне было грустновато, но хотелось поскорее попасть домой.

С моим соседом мы разместились на нашей койке, и начали играть в карты. Во время игры он вел себя несколько развязно по отношению ко мне и к тому же мухлевал. Я несколь-

ко раз его практически ловил на этом, но он старался разными доводами, казавшимися для него весьма убедительными, объяснить свою правду. В определенный момент обстановка накалилась и отец был вынужден нас приструнить. После этого мы продолжали игру уже чисто механически без особого азарта. Мне он стал неинтересен, так как пытался сделать из меня дурака-провинциала, а он был расстроен, что его лишили такой возможности. Я с удовольствием продемонстрировал ему, столичному мальчишке, свой провинциальный оскал.

На следующий день, к обеду мы были, наконец-то дома. Пришлось, правда, немножечко померзнуть на одной из пересадочных автобусных остановок, но это было не так уж важно. Для меня начиналась вновь моя старая, но все же новая и на этот раз долгожданная жизнь. Мне предстояло идти в школу, где я никого не знал. Я понимал, что дети, за прошедшие пол года, сдружились и мне предстояло вливаться в уже устоявшийся школьный коллектив. Меня успокаивало только то, что я на год старше их, и это был козырный туз в моем рукаве.

Дома к моему обычному досугу добавилась игра в шахматы, в шашки и карты. Отец научил меня играть в шахматы. В карты мы играли в «Подкидного дурака» и в «Козла». Мама рассказывала мне, что отец скучал за мной. Иногда вечером расставит моих солдатиков, сядет и смотрит на них, вспоминая обо мне.

Я был дома, и мне это нравилось. Из детства я помню, что всегда ждал праздников: 7 ноября – красный день календаря, 9 мая – День Победы и 1 мая – День всех трудящихся. Помимо демонстраций в эти дни показывали художественные фильмы, рассказывающие о событиях и героях тех дней. На 7 ноября показывали фильмы про Ленина и Великую Октябрьскую революцию, про штурм Зимнего дворца и выстрел с крейсера «Аврора», про моряков революционеров. Все мальчишки знали и любили героев революции: Котовского, Буденного, Чапаева, Камо, Дзержинского и многих других. Я приходил из школы, и быстро сделав уроки, усаживался перед телевизором и смотрел запоем любимые фильмы.

Однажды, я попросил маму рассказать мне про Ленина, Сталина и Коммунистическую партию. И она мне рассказывала, что Ленин сделал революцию и все люди стали свободными и равными, Ленин также создал Коммунистическую партию, которая должна была построить для всех людей Коммунизм. Коммунизм – это когда не будет денег, всего будет вдоволь и все люди будут все иметь и будут счастливо жить. Но на нас напали враги, армии многих капиталистических стран, которые не хотели счастья для всех людей. Много лет в нашей стране шла жестокая война. После смер-

ти Ленина к власти пришел Сталин и наступил мир на целых двадцать лет. Люди смогли наконец-то счастливо и свободно пожить. Но в 1941 году на нашу страну напали фашисты и началась Великая Отечественная война, которую благодаря товарищу Сталину мы выиграли. После войны все люди начали отстраивать разрушенное во время войны. Жить было очень трудно, хлеб и еду давали по карточкам, люди не доедали и многие голодали. Но с каждым годом жить становилось все легче и лучше, то цены снижали, то денег платили больше, то пайки по карточкам увеличивали, а затем и вовсе карточки отменили. И вот сейчас мы живем в мире и счастье. И для меня это было так. У нас была квартира, где мы жили, у нас была еда, мама и папа работали, и что такое голод мы не знали. Многие старые люди говорили, если кого-то что-то не устраивало, что это, мол, ничего, главное чтобы не было войны...

Все дети любили демонстрации. На центральную площадь в каждом городе выходили все люди. В руках они держали небольшие красные флажки, с надписью соответствовавшей празднику. На груди у каждого была приколотая красная лента также с надписью. На площади Ленина, такая имела в каждом городе, делалась трибуна, на которой стояли представители Советской власти, которые принимали парад. Перед трибуной проходили колонны, состоящие из ветеранов участников Великой Отечественной войны, за ними шли колонны работников от всех предприятий города, учебных за-

ведений, больницы и так далее. Все шли с большими красными флагами и транспарантами. Было весело, звучала громко музыка, многие громко кричали: «Ура!». На улице продавали еду и разные напитки. Тут же делали блины и шашлыки. Все были возбужденными и радостными, хотя многие люди считали «обязаловкой» участие в этих мероприятиях. Но когда праздник был в разгаре, вокруг были только радостные лица людей.

По телевизору в эти дни показывали демонстрации и военный парад, который проходил в Москве – столице нашей родины Союза Советских Социалистических Республик. Этот парад проходил на Красной площади. По площади маршем шли колонны солдат и офицеров разных родов войск, ехали танки и разная бронетехника, тягачи везли огромные баллистические ракеты. По небу пролетали военные самолеты. Это была демонстрация мощи нашего государства. Мы гордились тем, что мы такие сильные и говорили – пусть наши враги видят все это и боятся, пускай только сунутся, вот тогда мы им всем дадим пороху понюхать. Мы любили свою Родину и гордились ей. Мы были уверены в своей правоте и считали, что все должно быть только так.

Моя городская школа была возле самого моего дома, даже дорогу не нужно было переходить. У первых – третьих классов был свой постоянный класс, в котором одна учительница проводила все уроки. Мою учительницу звали Татьяна Николаевна. Это была молодая стройная женщина среднего роста с подстриженными темными волосами. На меня она сразу произвела необычное магнетическое впечатление, она мне очень понравилась. Мне в ней нравилось все и ее голос и как она одевалась и как от нее приятно пахло. Она для меня была как «... гений чистой красоты...». Мне нравилось ходить в школу, и мне нравилась моя новая учительница.

Было видно, что она относится к своей работе очень серьезно. Помимо всего прочего об этом говорила ее одежда. Ее наряды были все в одном строгом стиле, впрямь как Мери Попинс – Мисс Совершенство и Изящество. Длинная темная тяжелая юбка и кофта или блузка, как правило, с элементами вязаного рисунка. На груди у нее на тонкой золотой цепочке висел кулончик, который был на самом деле электронными часами. Такого я ни у кого еще не видел.

В свой новый класс, я влился без проблем, оказалось в этом классе есть дети из моей второгодней группы детского садика. Как ни странно, но я их практически не помнил. Здесь же был и тот озорной мальчуган, которого мне одна-

жды довелось проучить. Правда здесь он опять был заводилой и всем заправлял, но пока он меня не трогал, мне это было совершенно безразлично.

В санатории я был принят в октябрята. Раньше в первом классе дети вступали в детскую организацию «октябрат». Символом которой был значок на груди. Значок был в форме красной пятиконечной звезды, в центре значка был портрет Ленина в детстве – эдакий курчавый, улыбающийся симпатичный мальчуган. В «октябрята» принимали всех детей, но если кто-то был слишком задирист и хулиганил, его могли не принять в организацию до исправления его поведения. Перед вступлением в эту организацию все дети учили, что такое хорошо и что такое плохо. Все должны были знать, что значит делать хорошие дела, не делать плохих дел и стремиться быть хорошим человеком. Прием в октябрята проходил торжественно в школьном актовом зале. На мальчиках были белые рубашки на девочках белые фартуки. Дети из старших классов после торжественной части пристегивали вступающим значки октябрат.

В классе, после этого торжественного события, производили разбивку на звездочки, то есть на группы детей по пять человек. Назначали старшего по звездочке, кто был по успешнее в учебе. На стене вешался плакат с участниками звездочек и велся счет, чья звездочка лучшая. В счет шли все школьные и общественные дела: сдача макулатуры и металлолома, у кого в сумме больше пятерок, у кого меньше дво-

ек и троек, чье поведение примернее и у кого меньше замечаний. Дети втягивались в эту новую общественную жизнь и становились частью чего-то большого и востребованного.

Тогда быть хорошим мальчиком и девочкой было престижно, тебя ставили в пример другим, на тебя ровнялись, а сам ты чувствовал себя маленьким божком, которому немножко поклоняются – это было приятно. Драчунов и хулиганов всячески порицали, вызывали в школу родителей, писали родителям на работу письма, о том, что у ваших сотрудников такие дети, и просили принять меры. Родителей могли лишить премии или чего-то еще. В общем, хочешь, не хочешь, но воспитанием детей, в хорошем смысле слова, занимались вплотную.

В детстве я частенько болел, и не добирал свой вес по возрасту и росту. Да к тому же я как-то незаметно превратился из русого блондина в брюнета, не жгучего конечно, но волосы мои приняли цвет близкий черному. У моей бабушки, царство ей небесное, я видел в коробочке мои волосы. Когда отец вернулся из армии, он подстриг меня под ноль. Эти волосики были беленькие мягкие и волнистые.

У меня могла резко подняться температура до 38 градусов. И когда домашние средства не помогали, то мама брала меня и ночью вела в больницу и там ночевала со мною, чтобы я был под присмотром врачей.

Я часто лежал в детском и инфекционном отделениях больницы. Эти отделения размещались в отдельных зданиях. Эти здания были двухэтажные, но детское здание было более старым со скатной высокой крышей, в нем раньше размещалась вся больница, пока не построили новые корпуса. Инфекционное здание было как современные дома того времени с плоской крышей.

В детском отделении лежать было весело и интересно, не считая тех моментов, когда делали уколы или какие-нибудь неприятные процедуры, например зондирование. Нужно было глотать с пол метра резинового тонкого шланга, который называли зонт. Через него брали анализ желудочно-

го сока и желчи. Эта процедура длилась от двух до трех часов. У меня на счету было несколько успешных этих процедур и несколько сорванных мною, так как я иногда не мог себя заставить его проглотить. Мне старались помочь его проглотить, но у меня не получалось дышать с этим шлагом во рту одним носом и я его выдергивал. У медицинской сестры больше не было желания возиться со мной и мои мучения на этом прекращались, чему я был очень рад.

В детском отделении лежали дети разного возраста, лет до четырнадцати или даже шестнадцати. В палатах было по четыре человека. За несколько дней, проведенных в больнице, все становились друзьями и ходили одной стаей.

На первом этаже лежали дети без родителей, а на втором этаже находились самые маленькие детки с мамами. Для нас второй этаж был закрыт. На первом этаже была большая игровая комната, где был телевизор и игрушки. В эту комнату можно было собраться всем незаразным детям и вместе играть. Всех ребят, со всех палат, иногда объединяли в одну группу. К нам приставляли медсестру и мы шли гулять на улицу, если погода позволяла, или в игровую комнату.

В свободное время мы занимались, кто, чем мог. У каждого мальчика была тетрадь и ручка. Мы рисовали дома, дворцы и машины, чтобы занять себя, или играли в «танчики» и в «морской бой». Да, особенно мы любили играть в морской бой. Некоторые играли в шашки или шахматы. Все также любили читать детский журнал «Мурзилку» или кари-

катурные журнал-газеты «Крокодил» и «Перец» и с нетерпением ждали нового номера этих журналов.

В инфекционном отделении общения между детьми не было. В палатах лежало по два три человека, по отделению ходить-бродить было нельзя. Можно было выйти, в свободное от процедур время, на улицу и гулять возле отделения. Кормили в больнице хорошо три раза в день, давали и мясо и рыбу. Всем больным выдавалась больничная пижама и постельное бельё. Поэтому больных было видно сразу и далеко.

В новом классе у меня появились друзья, которые жили в соседнем доме. В школе у нас установились дружеские отношения и свободное от школы время мы тоже проводили часто вместе.

Однажды на перемене, в классе, уже известный мне по садику мальчуган бегал по проходам между партами и озорничал. Парты в классе у нас были двухместные добротные, деревянные, тяжелые. Парта была цельная объединяющая стол и скамейку со спинкой. Чтобы сесть или встать из-за парты, нужно было поднять деревянную доску, которая была частью стола парты.

Я стоял в проходе между партами и разговаривал со своими друзьями. Я видел, что по коридору мчится наш задир, но демонстративно не собирался отходить в сторону. Ему пришлось сбавить скорость, он прошмыгнул у меня за спиной и тут же с довольным видом врезал мне ногой по заднице, и кинулся наутек. Я догнал его в два прыжка, схватил за грудки и мы, потеряв равновесие, начали падать. У меня все-таки сил оказалось больше, поэтому я уложил его на пол, а сам оказался сверху над ним. Он упал головой как раз между партами, поэтому уйти в сторону у него не было шанса. Он пытался высвободиться от моей хватки, но сил у него было недостаточно, хотя он считал себя вожаком класса, но грубая

физическая сила осталась на моей стороне. Лицо у него покраснело, и излучало крайнее неудовольствие. По его мнению, его выражение лица должно было меня испугать. Но я был абсолютно спокоен и только прижимал его к полу и повторял: «Ну, что успокоился? Если нет, я тебя не отпущу». Он пыжился и сдаваться не собирался. Прозвучал звонок на урок. В класс вошла наша учительница. Все начали занимать свои места, и я был вынужден его отпустить. Мы встали и отряхивая пыль, со своих школьных костюмов, разошлись по своим местам, он при этом бросил в мою сторону недобрый взгляд, к которому я остался абсолютно равнодушен.

Однажды наша учительница должна была отвлечься и чтобы занять детей предложила кому-нибудь рассказать сказку. Я сказал, что знаю замечательную сказку. Мне перед классом поставили стул, я сел и начал ведать детишкам свою любимую сказку «Пойди туда не знаю куда. Принеси то, не знаю что». На удивление все слушали с интересом. Мое повествование прервал звонок. Все быстренько сбегали в туалет и опять расселись по местам и готовы были слушать дальше. В общем, сказку я рассказывал два урока подряд. Наша учительница уже выполнила свою срочную работу и с умилением смотрела на меня и ждала окончания моего монолога. В тот день я принес в дневнике пятерку с тремя плюсами. За все мое обучение это была моя самая высокая отметка.

После школы я шел к маме на работу, там мы с ней обеда-

ли в больничном буфете, и затем она укладывала меня спать у себя в кабинете, на стульях. После окончания ее рабочего дня мы вместе шли домой.

Во всех школах на 23 февраля устраивали соревнования между классами. Выясняли, кто лучше марширует строем и выполняет команды: «Налево! Направо! Кругом». Учительница, проникнувшись симпатией ко мне, назначила меня командиром класса. Я должен был идти во главе нашей колонны и отдавать приказы. Учительница также попросила, чтобы пришел чей-нибудь отец и помог нам научиться ходить военным строем. На это приглашение откликнулся отец мальчугана, с которым у меня частенько возникали конфликты. И незаметно я оказался в строю, а мой соперник возглавил нашу колонну. Конечно, стоит отметить, что справился он со своей задачей отлично. Он был раскован, а я был излишне стеснительным, но на параде я отметился тоже.

Во время школьного марша мальчишки были все в зеленых рубашках, а на голове у всех были фуражки, которые мы самостоятельно делали для себя на уроках труда из картона. Моя фуражка была чуточку маловата мне. Когда мы маршировали, моя фуражка медленно сползала по голове. Нас предупредили, чтобы мы не делали лишних движений, так как с класса будут сниматься очки. И вот я иду, марширую в колонне, моя фуражка сползает все больше и больше. Я уже практически голову нагнул на бок на девяносто градусов. Фуражка уперлась мне в ухо и перестала сползать, но в лю-

бой момент могла упасть. Тут ко мне подошла наша учительница по физкультуре и с улыбкой поправила мне головной убор.

Наш класс промаршировал отлично, судьи отметили особую стойкость ученика, который маршировал с фуражкой на ухе. Какое место мы заняли, не помню, но все были счастливы, и я в том числе. Хотя обида была, что меня не оставили командиром, но что поделаешь, начиналась взрослая жизнь с ее прелестями и коленцами.

Одним зимним, морозным утром я бегал по заснеженной улице возле своего дома. На балконе нашей квартиры стояла мама и присматривала за мной. По улице шла моя учительница под ручку со своим мужем. От меня до них было метров сорок, и я со всего разгону кинулся к ней на встречу с улыбкой до ушей. Не добежав до них метров шесть, я поскользнулся и упал лицом вниз. Я начал подниматься весь в снегу и огорченный таким развитием событий, учительница также не ожидала такого восторга с моей стороны и последующего падения. Она с мужем подошла ко мне, смущенно уточнила все ли со мной в порядке и они пошли дальше. Я был очень сильно сконфужен. Со мной подобный конфуз уже как то происходил и сейчас он для меня повторился как страшный сон.

Мой первый учебный год подошел к концу, наступило лето и конечное летние каникулы. Летом все в нашем городке шли купаться на водохранилище. Как у нас говорили: «Пошли на речку». На пляже люди могли провести целый день. Мне нравилось купаться, хотя плавать я еще не умел. Купался я с отцом.

Однажды мы выходили из речки, мне вода была по грудь. Отец уже вывел меня из глубины и шел впереди меня. И вдруг моя нога не нащупала дна, и я ушел под воду с го-

ловой. Дальше помню, как я уже лежал на пляже. Моя нога попала в ямку и я, не успев сориентироваться, чуть не утонул. Мама была на берегу, и все видела. Когда я нырнул, то она начала кричать отцу. Отец обернулся, а меня уже не видно. Вода на речке было мутная, дно глинистое. Отец кинулся к тому месту, откуда расходились по воде круги и начал руками шарить по дну. Он нащупал меня на дне и вынес из воды на берег, где я через некоторое время пришел в себя. Мне тогда было лет шесть. Так что Бог миловал, и семейство в тот день благополучно ушло домой в полном составе.

Лето, после окончания первого класса, стало для меня особенным, потому что в июне у меня родился брат. Весной того года показывали фильм «Долгая дорога в дюнах». Главных героев звали Артур и Марта. Я говорил родителям, давайте назовем ребенка Артуром, если будет мальчик или Мартой, если будет девочка. Родители вроде были не против.

У отца был двоюродный брат, и у него жена тоже ждала ребенка. У них родился сын раньше, и они называли его Артуром. Мой брат родился неделей позже и его называли другим именем.

Мама, когда была беременной, часто лежала в больнице, поэтому летом я жил у бабушки Нины. Меня это устраивало, так как я жил в своем старом дворе и общался со своим старым другом, правда у него уже были и другие друзья, но все равно мы были рады видеть друг друга.

У моего друга в квартире, на кухне, висели часы с кукушкой. Часы заводились, перетягиваем висевшей цепочки. Еще у Саши дома всегда была кошка, и он к тому времени научился ездить на большом велосипеде. Садится на велосипед сверху, он не мог, так как ему не хватало роста, поэтому он просовывал одну ногу под раму велосипеда и так ездил по двору. Я, в отличие от него, ездить на взрослом велосипеде не мог. Большого велосипеда у нас не было, а на малень-

ком детском ездить было уже стыдно. Когда мне Саша предлагал попробовать проехаться на его велосипеде, то у меня, к сожалению, не получалось.

Одним вечером дедушка Вася приехал домой как обычно на мопеде, и сообщил нам, что у меня родился брат, а у него внук. Я тогда не почувствовал ни радости, ни досады. Просто мне, казалось, что произошло нечто, что не укладывалось в моей голове. Помню, мы ходили к родильному дому, и мама, выглянув в окошко, на третьем этаже показала нам запеленатого братишку. Я тогда был с глуповатым выражением лица, так как не знал как мне нужно себя вести. Отец во дворе нашего дома угощал всех мужиков, на радостях, что у него родился сын.

Через несколько дней, мы забирали маму с братом из больницы домой. Все вышли на крыльцо родильного отделения, туда подошли все родственники по отцовской линии. Мне мама дала подержать братика. Он оказался совсем не тяжелый. Затем была общая фотография. Фотографировались на ступеньках крыльца родильного отделения.

К моим обязанностям добавилось ходить на молочную кухню, где готовили специально молоко для грудных детей.

Кровать братику поставили в маминой спальне, так что я спал спокойно. Родители купили коляску, правда с рук, но маме коляска очень нравилась. Коляски были дефицитным товаром, а импортную коляску достать было очень сложно. Можно было только купить б. у. и то если повезет.

Такой товар забирали с руками.

Этим же летом решили крестить моего братика. Крестной мама выбрала женщину-врача со своей работы. Однако так как она была членом КПСС, то ей нельзя было принимать участие в религиозных мероприятиях, поэтому в церкви должна была присутствовать вместо нее другая женщина. Этой женщиной стала родная тетка моего отчима, к тому же она ходила в церковь.

Крестным отец выбрал своего друга из нашего дома. Я его тоже знал. Его дети были старшими ребятами в нашей дворовой компании.

Воскресным утром группа родных отправилась в городской храм крестить моего брата. Мама в храм не пошла и хлопотала по дому, готовя праздничный стол для всех гостей.

Основная часть нашего городка была застроена пятиэтажными жилыми домами. Вокруг многоэтажной городской застройки располагались одноэтажные частные дома. В гуще одноэтажной застройки, в одном из частных домов располагался небольшой храм. Именно тогда я в первый раз увидел церковь и даже побывал внутри. Церковный домик имел низкие потолки и все помещения, стены и потолки были разрисованы красивыми цветными картинами. Я с удивлением рассматривал картины на потолке и на стенах.

Мы вернулись из храма в середине дня и сели за стол обедать. После застолья я пошел гулять на улицу, а дома продол-

жалось застолье и веселье. Гулял я до позднего вечера. Когда стемнело и мы всей нашей компанией сидели на лавочке у подъезда, один из старших ребят спросил своего друга, ну что, мол, пойдём домой. На что он грустно ответил, что его родители в гостях, и он с сестрой должен их ждать. Тот спросил, куда они пошли, и он указал на меня пальцем и сказал: «У него». Мне подобное обращение не доставило восторга и я сделал вид, что ничего не услышал.

Скоро гости начали расходиться, и я пошел домой. Дома во всех комнатах горел свет, из магнитофона лилась музыка, двери на балкон были открыты, в зале стоял не убраный еще стол, мама с другими женщинами убирали со стола и мыли грязную посуду. По всему было видно, что застолье удалось, все были уставшие и довольные. Меня провели в мою комнату, уложили спать и прикрыли двери, чтобы не мешать мне заснуть. Уставший за день я быстро заснул.

В это лето я никуда не ездил, и все лето провел во дворе с моими новыми друзьями. Мне исполнилось девять лет. Во дворе я играл с мальчиками на год – два младше меня. Во дворе у нас были дети на пару лет старше меня. Они звали нас поиграть с ними, когда для игры нужно было побольше народу. Всего нас собиралось человек двенадцать. Детей во дворе конечно было больше, но не все выходили поиграть во дворе, поэтому именно мы были представителями нашего двора.

Наша компания в полном составе собиралась не каждый день, и в основном это происходило в послеобеденное время. Тогда мы все вместе играли в прядки или в пекаря. Когда становилось темно, мы выбирали во дворе свободную лавочку и оккупировав её рассказывали всякие страшилки. Иногда так запугивали друг друга, что было страшно идти домой.

Обычно с утра, часиков в девять, мы, младшие представители нашего двора, выходили на улицу и играли на лавочке в карты в «Подкидного дурака», «Пьяницу» или «Ведьму». Так время пролетало до обеда. Около двенадцати часов, мы расходились по домам обедать. После обеда мало кто выходил во двор. После пяти часов вечера двор оживал. Взрослые выходили посидеть и пообщаться на лавочках возле подъездов, а мы искали, где могли для себя приключений.

Иногда я ходил в мой старый двор к моему другу, но там особенно не поиграешь, потому, что туда нужно было идти через полгорода, а мама была категорически против того, чтобы я бродил один по городу.

Вокруг было много разных мальчишек, которым доставляло удовольствие задевать тех, кто поменьше. Особенно в чужих дворах мальцу вроде меня лучше было лишний раз не мозолить глаза тамошним ребятам. Я старался не ходить дворами и как правило ходил по улице, но и здесь можно было иногда найти себе приключения, особенно ближе к вечеру.

Однажды, когда я все же выбрался к своему старому другу, то со мной там произошла небольшая история. Мы играли в его дворе вдвоем, потом мы присоединились к ребятам постарше, которые играли в карты на лавочке. Они много шутили и нам было просто интересно постоять рядом. Мы стояли и тоже улыбались их шуткам. Среди этих ребят был мальчик, который жил напротив моей старой квартиры и к которому я раньше ходил играть. Я считал его своим другом. Вдруг все ребята начали хохотать, я тоже смеялся с ними, правда, никак не мог понять, что именно было смешное. Затем я обратил внимание, что они все искоса поглядывают на меня. Я обернулся и увидел, что мой бывший сосед стоит за моей спиной и палочкой играет с крупной гусеницей, которая ползает по мне.

Я решил, что он подсадил ее мне на спину специально

и продолжает дурачиться с нею, выставляя меня на всеобщее посмешище. Меня это сильно задело, и я просто бросился на него, как кошка бросается на большую собаку. Я вцепился в него и повис на нем, он был на голову выше меня. Он конечно мог просто грубо сбросить меня с себя, что ему и предлагали его товарищи, которые просто катались в истерике от смеха, но он относительно мягко поставил меня на землю, и, отстранившись от меня руками, отошел в сторону. По-видимому, из-за того, что его родители знали меня и моих родителей, ему не хотелось продолжения этой шутки уже у себя дома.

Меня разобрала обида и на него и на моего друга Сашу, который стоял рядом и никак не попытался предупредить меня. Я встал и убежал от них всех за дом, где можно было предаться эмоциям без свидетелей. Через пару минут Саша нашел меня. Я высказал ему свою обиду, а он, выслушав меня, предложил помириться, что мы и сделали.

В нашем городе возле многих пятиэтажных домов, которыми был застроен наш городок, были легкие длинные беседки с большим длинным столом и лавочками с двух сторон от стола. В этих беседках жители дома праздновали семейные, торжественные события, такие как свадьба и проводы в армию. Если такой беседки не было, то на дворовой асфальтированной дороге натягивали огромную брезентовую палатку, в которой размещали все необходимое для торжества, вплоть до подведения электричества. Свадьбу праздновали, как правило, два дня и ночь, проводы в армию продолжались одну ночь до раннего утра, когда нужно было уже ехать в военкомат.

В военкомат призывника провожали родные и друзья, как правило, все были в очень хорошем настроении от принятых градусов. Сложно себе представить, что творилось в самом военкомате, где таких призывников было как минимум человек двадцать. И это только в нашем районном военкомате. Призывников заводили на территорию военкомата, огороженную железным забором, а все провожающие в возбужденном состоянии находились снаружи. Призывников усаживали в автобус и выезжали с территории военкомата. Провожающие иногда обступали автобус и начинали его раскачивать. Сопровождающий офицер после этого начинал орать

на толпу и после этого кое-как автобус уезжал. Автобус приезжал в областной военкомат, где находились призывники со всех районных военкоматов, что тут творилось уже в двух словах описать просто невозможно. Все это мне доведется увидеть собственными глазами лет через десять, но думаю, что раньше все было также.

Мой дом был возле школы, и наш двор граничил, через забор, со школьной территорией. Здесь было и футбольное поле, и турники с брусьями, и небольшой парк, засаженный кустами в виде лабиринта. Вечером в школьном дворе было множество детей, который приходили сюда поиграть со всех окрестных дворов. Играли до тех пор, пока не становилось темно, и только уже тогда мы разбредались группками по своим дворам.

Летом, как стемнеет, в небе летало много летучих мышей. Забавы ради мы подкидывали что-нибудь вверх и смотрели, как летучие мыши кружатся вокруг этого предмета в воздухе. Мышей мы побаивались, и когда мышь пролетала низко над нашими головами, то уклонялись от них и визжали от страха.

Меня приняли в дворовое сообщество после некоего боевого посвящения. У нас под домом были подвальные помещения. Там были небольшие комнатки, как положено с дверями и с замками, в которых жильцы дома хранили или инструмент, или велосипед или какое-нибудь ненужное в квартире барахло. Солнечный свет туда не проникал, и только кое-где в подвале горела слабенькая лампочка. В нашем доме было четыре подъезда. В подвал вели два входа один возле первого, другой возле последнего, четвертого подъезда.

Посвящение состояло в том, чтобы войти в один вход подвала и выйти в другой. Сделать это самостоятельно, практически в полной темноте и не зная всех поворотов и глухих закутков, было очень трудно. Поэтому, сперва, старшие ребята провели нас по подвалу, а затем запускали нас самих по два человека. Я проходил с мальчиком, которого звали Костей, он учился в параллельном со мною классе. Для него это было уже не в первый раз, и поэтому он был ведущий, а я плелся за ним, шаря руками по стене, и честно говоря, совершенно не ориентируясь, куда нужно идти в темноте. Я шел за ним и слушал, что он мне говорил. В общем, радость была неописуемая, когда впереди забрезжил дневной свет, и мы со всех ног рванули к выходу.

Когда мы выскочили из подвала, то мы оба были в паутинах с грязными руками и носами. Мы выскочили из подвала, и тяжело дыша, опершись руками на колени, стояли так, согнувшись, и с уважением смотрели друг на друга, как будто мы совершили нечто значимое. Старшие ребята в это время сидели в сторонке на лавочке и, посмеиваясь, хвалили нас, какие мы мол, все-таки, смельчаки.

С Костей мы сдружились. Он жил с мамой, бабушкой и дедушкой. Моим родителям он не нравился, так как у него была привычка сплевывать на землю. Пока я с ним не подружился, для меня он тоже был неприятен, но когда мы стали друзьями, я уже этого не замечал.

Мы с Костей ходили утром и днем по парку, школьно-

му двору и разным местам и собирали пустые стеклянные бутылки. Целая бутылка стоила двадцать копеек. Тогда для мальчишки это было целое состояние. стакан кваса из бочки стоил три копейки, мороженное пломбир десять или пятнадцать копеек, пломбир в шоколаде двадцать восемь копеек, сладкий сырок двенадцать, булочка от семи до пятнадцати копеек, пирожное от двенадцати до двадцати двух копеек, стакан сидра десять копеек, стакан сока томатного около десяти копеек, стакан яблочного сока пятнадцать копеек, стакан виноградного сока двадцать копеек. В день можно было запросто каждому найти две – три целые бутылки. Так что на вырученные деньги можно было отлично покушать сладенького. Все деньги я не тратил. Я старался их отложить, чтобы потом купить понравившуюся марку или значок.

Во дворе моего дома жил мужчина, ровесник моего отца. У него не было ноги чуть выше колена, и он не умел говорить. Он только издавал разные звуки, издали напоминающие отдельные слова. Он в молодости попал под поезд и лишился ноги, а также перестал нормально разговаривать. Он жил во втором подъезде нашего дома и часто его можно было видеть сидящим на лавочке возле подъезда. Мой отец дружил с этим человеком еще с детства и относился к нему с уважением. Он играл с ним в шахматы на лавочке возле дома, или в компании других мужиков они в паре играли в карты.

Отец говорил, что голова у его друга варит очень хорошо.

Только у этого человека был построен гараж во дворе нашего дома, и у него был автомобиль «Запорожец» на ручном управлении. Когда нам нужно было куда-то поехать, мы ехали на его машине, а хозяин авто был или за рулем или просто сидел спереди, а автомобиль вел отец.

Человек этот жил сам и ходил на костылях. Одежда у него была не первой свежести, жил то он один. После случившегося несчастья, жена его оставила. Когда мы, дети крутились неподалеку от него, то он смотрел на нас и улыбался, иногда пытался нам что-то сказать и показывал для разъяснения руками, но мы ничего не понимали, и это его особенно не расстраивало, он просто продолжал улыбался. Никто из детей его не дразнил, так как все наши отцы относились к нему с уважением.

Незаметно лето промелькнуло и опять настало первое сентября, и я пошел уже во второй класс.

Учеба во втором классе началась, так как будто бы она и не прекращалась. Я учился на хорошо и отлично, поведение было примерное. После школы я шел домой, так как мама с новорожденным братиком были дома. Моя жизнь на стульях в больнице завершилась. Однажды в школе я получил неуд по поведению. На перемене мы с одноклассниками вздумали бросать друг в друга глыбы перекопанной земли со школьного газона через школьный забор. Никто из нас не пострадал, но в школе наш поступок не остался незамеченным, и нас наказали.

В школе во время переменки мы выбегали в школьный двор порезвиться. На одной из таких переменок мы пошли к школьным турникам. Детей здесь собралось много из разных классов. Вдруг, меня кто-то грубо толкнул. Я обернулся и увидел, что это мальчишка из параллельного класса. Он на вид был повыше и коренастее меня. У меня пронеслась мысль, что я же на год его старше, поэтому такую наглость нельзя спускать с рук и кинулся на него. Он же, словно перышко, оттолкнул меня в сторону еще раз. Это был первый случай в моей жизни, когда я столкнулся с превосходящей физической силой возникшей там, где я не ожидал ее встретить. Я был обескуражен, но снова и снова кидался на него. Результат был тот же. В общем, посрамленный, я отправил-

ся назад в класс на следующий урок. В моем классе никто не смеялся надо мной, но все смотрели на меня даже с каким-то сочувствием и уважением, что я сцепился с таким великаном, хотя и проиграл.

Однажды зимой мы играли в снежки в школьном дворе. Баррикада, сделанная нами, из снежных комьев была нашей крепостью. На нас налетели со снежками ребята из старшего класса. Моя гордость опять разыгралась, ведь это мои одноклассники, значит, я им не в чем, не уступаю. Мальчишки из моего класса тоже стояли до конца. Старшие подбежали к нам, и так как мы не отступили, и продолжали отстреливаться снежками, то у нас начался рукопашный бой. Нас просто тыкали лицами в снег. Я возмущенный таким обращением закричал, что есть мочи, и, размахивая руками, и бросая во все стороны снежки кинулся на них. Они были озадачены таким поведением, и убежали. Через год я повторю свой номер в надежде, что раз он уже сработал, значит, сработает вновь, но я сильно ошибусь.

Дело было весной. У нашего класса возникла потасовка со старшеклассниками. Нас разбросали по земле, и я с криками бросился на них. Но почему-то никто не испугался, и когда я подбежал к ним меня просто уронили на землю еще раз или два. На этом все закончилось. Старшеклассники, удовлетворенные избиением младенцев, отправились во-свояси. Мы, обтрусив грязь с одежды, и собрав свои вещи, молча, разбрелись по своим домам.

Весной объявили о смерти Брежнева. Это была ранняя весна. В школе, на трибуне, перед главным входом, поставили фотографию Брежнева с черной ленточкой и положили рядом пару красных гвоздик. Девочки в нашем классе, почему-то плакали навзрыд. Я на перемене вышел на улицу, а там была странная погода. Солнца видно не было, было облачно и серо. Дул сильный ветер, и он нес пыль и песок. Ни до, ни после этого дня подобных пылевых ветров я не помню у нас, а в тот день наш город поглотила пылевая буря.

Настроение было неопределенное, в горле был комок, было ощущение, что что-то оборвалось как во всем мире, так и внутри меня. Наверное, я не один тогда испытывал нечто подобное.

Когда я на перемене бегал домой обедать, то по телевизору не было никаких передач. По всем каналам показывали концерт симфонического оркестра. Оркестр играл очень трогательную и грустную мелодию. Никто тогда еще и не подозревал, что с его смертью в стране начнутся перемены. Это было началом эры очередных глобальных перемен...

Однажды, поздней осенью, в день рождения одного из мальчиков из старого двора, он и еще двое ребят с ним зашли ко мне домой. Мальчик пригласил меня отпраздновать свой день рождения, пойти с ним в кафе, поесть мороженого и сходить в кино. В этой компании был и мой друг Саша, поэтому я с радостью согласился.

Мама дала мне на всякий случай три рубля, если вдруг денег не хватит. Мы вчетвером отправились в городской парк. В парке было кафе. Внутри кафе было разделенное на две части – для взрослых и для детей. Рядом с кафе был и кинотеатр.

Мы посидели в кафе, съели по мороженому, выпили по молочному коктейлю и отправились в кинотеатр. В кинотеатре, почему-то был фильм с дорогими билетами. Если билеты на детские фильмы стоили 10 копеек, то на вечерний сеанс цена билетов доходила до рубля. Так вот, мы пришли в кинотеатр, а билеты на фильм стоили около рубля. У нашего именинника денег после кафе на четыре дорогих билета не хватало. Мы все стояли в некотором замешательстве. Что же делать? Я сказал, что мне мама тоже дала с собой деньги, и их как раз хватит, чтобы мы купили четыре билета.

Что тогда был за фильм, я не помню, но фильм нам понравился, так как из кинотеатра мы выходили очень радостные.

Когда я пришел домой, то мама спросила все ли нормально, я сказал что все хорошо и деньги, которые она мне дала очень нас выручили. Прошло, какое-то время, и мама спросила, отдал ли мальчик мне деньги, я сказал что нет. Я даже тогда, – когда предлагал деньги, то делал это бескорыстно, мне было приятно выручить своего друга, но идти и просить у него деньги, нет уж, увольте, на это я не согласен, ни за какие коврижки.

Через неделю, после празднования дня рождения моего знакомого, я с мамой был у бабушки, которая жила в доме с тем мальчиком. Мама решила заодно зайти к родителям мальчика и поговорить с ними о деньгах, она предложила мне пойти с ней, но для меня это был невыносимый позор и я наотрез отказался и чуть ли не закатил истерику прямо на улице, когда она попыталась тянуть меня туда за руку. Она все-таки сходила без меня, что она там говорила, я не знаю, но деньги ей отдали и она довольная, а я опозоренный, с погнутой головой пошли домой.

Еще с шести лет я был упрямый и мог упорно стоять на своем, чтобы не произошло, но это было в тех случаях, когда я считал, что сделать то, что от меня просят, было, на мой взгляд, позорным. Состояние неловкости перебивало все мамины логические доводы и угрозы, я просто не мог этого сделать и все здесь.

Однажды мама послала меня за хлебом, в магазин, мне было тогда лет шесть. Я купил буханку хлеба и, откусывая

от бочка буханки ароматную хрустящую и все еще теплую корочку, пришел домой. Оказалось, что я купил не белый, а серый хлеб. Мама решила отправить меня назад в магазин, чтобы я поменял хлеб. Для меня это было невыполнимо, к тому же, я откусил пару раз от буханки, и это делало мамино желание для меня вообще неисполнимым. Я готов был терпеть любое наказание, но идти обратно я и не собирался. Я сказал, что сам съем этот хлеб, так как он очень вкусный и начал откусывать от буханки еще и еще. Мама успокоилась, забрала у меня хлеб, сказала, что это в последний раз она спускает мне и пошла на кухню, готовить ужин, а я счастливый пошел играть в свои любимые солдатики.

В нашу школу войти было просто, а выйти, во время занятий, было сложнее. По школе каждую неделю назначался новый дежурный класс, начиная с четвертого и старше. Этот класс следил за порядком в школе. Утром дежурные стояли на лестницах и не пускали школьников на верхние этажи в классы ранее, чем минут за пятнадцать до начала уроков. В течение дня дежурные стояли на главном входе и не выпускали из школы на улицу тех, кто хотел пошляться без дела, но это было не всегда и зависело от распоряжения администрации школы. Иногда можно было выходить из школы, а иногда нельзя.

Однажды мы с одноклассниками на перемене хотели выйти на улицу, а дежурные нас не выпускали. Один сорвиголова предложил дать им десять копеек и его за это выпустили на улицу. Он выскочил, а затем довольный вернулся назад. Желающих оказалось несколько человек. Выпускали по одному. Я тоже дал монетку в 15 копеек и меня выпустили. Я вышел на улицу один, за моей спиной остались все за закрытыми дверями, а я находился на улице. Как сейчас помню, что тогда, выйдя на улицу и вдохнув полной грудью свежий воздух, я почувствовал себя свободным человеком. Это были новые, не знакомые мне до сей поры ощущения. В общем, я постоял с минутку на крыльце, но так как на улице было

холодно, а я был только в школьной форме, то я забежал обратно в школу. Шалость удалась.

После этого моя мама, по обрывкам фраз беседы между мной и моим одноклассником, зашедшим ко мне домой, поняла, что произошло в школе, и очень этому возмутилась. На следующий день она пошла в школу и все рассказала учителям. Затем к нам в класс заходили ребят, дежуривших в тот день, чтобы мы указали на тех, которые брали деньги. Мне было очень дискомфортно, так как я должен был указать на них. Было и чувство, что я предатель и чувство страха и что-то еще, тревожившее меня. В общем, меня спросили: «Кто?» Их было человек шесть, из них двое или трое тогда дежурили на главном входе. Я начал говорить, что, кажется, этот и вот тот, но тут класс взорвался, и все дети начали кричать, указывая на виновных. Мне стало легче, но тревога в душе осталась.

Все, казалось, прошло для меня без последствий. Прошло насколько дней. Наша школа находилась в центре города возле площади Ленина, и здесь были продуктовые магазины. Во время большой перемены многие школьники бежали в магазин, чтобы купить или булочку или пирожное. В магазине образовывались очереди и все нервно посматривали на часы или прислушивались к первому предупреждающему звонку с перемены, а нужно было не только купить вкусненькое – нужно было это еще и съесть на бегу, по дороге в школу. До школы от магазинчиков было метров триста.

И вот однажды, в магазинчике меня заметили горе дежурные и стали на меня многозначительно смотреть, мне стало неловко, но я достоял свою очередь, купил свое пирожное и вышел на улицу. Они меня ждали, их было трое, и они были старше меня. Я понимал, что ничего сделать не смогу, но бежать от них мне было неловко и стыдно. Я просто медленно шел и ел свое пирожное, смотря тупо в землю, перед своими ногами и думая, будь, что будет. Они подбежали ко мне и начали ко мне приставать, а я продолжал потихоньку продвигаться дальше. Тут прозвучал первый звонок на урок. Они засуетились, на расправу времени не было, к тому же вокруг было куча свидетелей и они, дав мне по поджопнику, радостные побежали на урок. Я же дождался пока они отбегут порядком от меня, обтрусил свои штаны, и с подпорченным настроением от расправы надо мной, но все же счастливый, что так легко отделался, тоже побежал в школу.

Была у нас в классе девочка, звали ее Наташей. Девочка как девочка, но кажется, я ей нравился. Я же тогда с девчонками не водился и дружбы с ними не искал, поэтому был к ней внешне совершенно равнодушен, впрочем, как и ко всем остальным девчонкам. Хотя были некоторые девочки, которые в глубине души мне нравились, но я этого никому не говорил, тем более этим девочкам. Они мне просто были мне симпатичны и на этом все.

Одним солнечным весенним днем я шел с отцом на демонстрацию. Мы шли по тротуару, а по дороге параллель-

но нам шла моя одноклассница Наташа со своим папой. Она увидела меня и, отбежав от своего папы, подбежала к нам и пошла рядом со мной. Я как бука шел, потупив взгляд, и чувствовал себя очень неуютно. Я знал, что мне нужно, что-то сказать, но мой язык был ватный, я был сконфужен. Она немного прошла с нами рядом, а затем убежала к своему отцу. Я же с облегчением вздохнул. Отец посмотрел на меня с улыбкой и сказал, что нужно было бы хотя бы поздороваться с девочкой.

Как то весной мама послала меня в магазин купить яиц. Десяток яиц стоил один рубль. Я должен был купить два десятка. В магазине я купил яйца и пошел домой. Погода была сырая. Снег растаял, но на дорогах и тротуарах было много луж. В небе по-весеннему сияло солнце, вокруг щебетали птицы. Идя по улице и радуясь весенней погоде, я нашел, валявшуюся на тротуаре, палку и начал ее бутсать перед собой, практически до самого дома.

Когда я вошел домой, то мама только глянула на меня, как сразу ахнула. Оказалось, что мои брюки все в грязи выше коленей. Мама меня отругала и послала в ванную, чистить брюки, но самое интересное было впереди.

Только я зашел в ванную, как мама позвала меня в кухню. В кухне на столе лежала сумка с яйцами. Мама раскрыла передо мною сумку, от увиденного мне стало очень не ловко. В сумке почти все яйца были разбиты. После того как из сумки достали все, что можно было достать, то целых и надбитых яиц мы насчитали всего лишь семь штук. Мне задали вопрос как я смог этого добиться, за грязные брюки мама уже и забыла. Я рассказал все как на духу. Мама, повозмущалась, и отправила меня с глаз долой, в свою комнату.

В магазинах всегда были продукты первой необходимости, которые стоили считанные копейки. Зарплаты у всех

людей были приблизительно одинаковые и в среднем составляли 100 рублей. Один рубль стоил десяток яиц и дорогая банка консервов в масле, хотя мне нравились больше консервы в томатном соусе, цена которых составляла копеек пятьдесят – семьдесят. Все крупы стоили от сорока копеек до рубля. Буханка белого хлеба стоила двадцать копеек, черного двенадцать копеек. Колбасы были в основном, как говорят «варенка», цена которых составляла от рубля до двух рублей восьмидесяти копеек. Выше трех рублей уже были дорогие колбасы – копченые и мясные, но их цена была сопоставима и с дешевыми колбасами, которые тоже были очень вкусными. В магазинах товара с истекшим сроком годности практически не было, так как он не залеживался на прилавках. В рыбном отделе у нас было полное изобилие. Рыба была свежая и мороженая, горячего и холодного копчения. В мясном отделе в основном лежали косточки с мясом. Это было от того, что когда утром завозили свежий товар, то за ним выстраивалась очередь и люди все раскупали за пару часов. Мясник среди населения был очень уважаемым человеком, так как он мог отложить товар или отрезать кусок мяса получше за ту же цену.

В молочном отделе можно было купить творог, молоко, кефир, ряженку. Молоко, ряженка и кефир продавались в стеклянных бутылках по пол литра и в специальных бумажных пакетах в форме пирамидки. Молоко также продавалась на разлив, и по улицам можно было видеть людей с метал-

лическими трехлитровыми бидонами для молока. Продукты носили в сетках, называемых «авоськами». В этой авоське можно было видеть все купленные продукты, как в стеклянной витрине магазина. Сетки эти были очень прочными и служили годами.

Молочные продукты и колбасы завозили почти каждый день в одно и то же время. К моменту завоза товара в магазине уже была очередь как минимум человек из десяти. Дешевых продуктов завозили больше, а продуктов дороже меньше. Продавцы часть товара прятали под прилавок, чтобы продать его своим друзьям и знакомым как тогда говорили «по благу». Продукты раскупались до обеда, и вечером на прилавках можно было видеть то, что покупали без особого рвения. Колбаса за два двадцать на прилавках присутствовала практически всегда.

Было понятие дефицитных товаров, это то, что хотели бы купить все, но этого было мало. Чтобы купить дефицитный товар, нужно было стоять в голове очереди или иметь знакомого продавца.

Покупка сливочного масла – это была целая история. Его привозили несколько пачек килограмм по двадцать. Очередь к этому моменту стояла у прилавка в великом напряжении. Все думали только об одном, удастся ли ему купить хоть полкило этого, всеми любимого товара. Сначала масло покупали кто сколько хотел. Продавщица смотрела на очередь и через время объявляла, чтобы в очередь больше не станови-

лись, так как масла им уже все равно не хватит. После этого очередь начинала волноваться, и поступало требовательное предложение, чтобы в одни руки отпускали не более одного килограмма масла. Когда человек покупал последний килограмм масла, то обязательно, стоящий за ним с мольбою просил его разделить покупаемый килограмм пополам.

Очередь не просто стояла, она жила. В ней обсуждали и узнавали новости, люди делились своими проблемами и радостями, в очередях знакомились. Чтобы купить желаемое люди отпрашивались втайне с работы и устремлялись в магазин.

Можно смело сказать, что очереди задавали особый ритм жизни для всех людей, каждый думал как бы ему исхитриться, чтобы купить желаемый товар.

Как-то летом мы играли нашей дворовой компанией в нашем дворе. И одна из старших девочек, предложила старшим ребятам подняться к ней домой, родителей не было дома. Она хотела показать друзьям порнографические карты. Старшие ребята ушли к ней в гости, и их, не было минут тридцать. Мы младшенькие сиротливо сидели на лавочке, переговаривались и ждали старших. Вскоре они пришли, лица у них были оживленные, и они как-то загадочно улыбались.

Однажды я пошел в кино, купил билет и стоял, в ожидании, когда начнут впускать в зал. У кассы стоял мальчик, года на два старше меня и ему не хватало денег на билет. Мальчик был с правильными, красивыми чертами лица. Мне он напомнил пионера – героя с картинки, защищающего Родину от фашистов. Наши школьные учебники и детские газеты пестрели фотографиями детей—героев и мы все хотели быть похожими на них и восхищались их мужеством и храбростью. Я подошел к нему, и предложил ему пять или десять копеек на билет, он с удивлением взял у меня деньги. Я довольный, что совершил добрый поступок, купил в буфете пирожное и вышел на улицу.

Возле кинотеатра был фонтан. Фонтан был выключен, но внутри чаши фонтана была вода. Вдруг ко мне подходит

мальчик, с лицом хулигана, старше меня и требует у меня денег. Я спокойно говорю, что у меня нет. Так как мы находились на людном месте, я был спокоен, что драться он не будет, побоится свидетелей. В общем, он что-то говорил мне, говорил, но я стоял на своем. По карманам у меня искать деньги он не осмелился.

Он ушел от меня. И я увидел, что в их компании, состоящей из четырех человек, находится мой «пионер-герой». Они пошептались и от компании ко мне направились двое. Один который уже подходил, а с ним еще один. Разговор повторился тот же. Они давили, чтобы я дал, а я бубнел в ответ, что у меня нет. Тогда они сказали, что вон тот их друг, «пионер-герой», говорит, что у меня есть деньги. Мне было так досадно и обидно, что даже слеза навернулась на глаза, а в горле стоял комок мешавший твердить, что у меня денег нет. Я пытался от них уйти и начал обходить фонтан, чтобы между мной и ними было препятствие. Они опять ушли и начали шептаться, поглядывая в мою сторону.

Я понимал, что если убегу, они меня могут поймать в глухом месте и тогда мне точно не поздоровиться. К тому же бежать было стыдно и противно. Ноги были ватные и негнущиеся, но я стоял и ждал, что же будет дальше. От компании отделился «пионер – герой», на поверку оказавшийся «малышом – плохишом», и направился ко мне. С другой стороны фонтана подходили остальные ребята. У меня была, уверенность, что здесь меня никто не тронет. «Плохиш» подо-

шел ко мне и стал требовать у меня денег, я отнекивался, но он все требовал и требовал, мне стало очень обидно, и я достал пару монеток и толи дал их ему в протянутую руку, толи бросил в фонтан, точно не помню. Они взяли деньги, и зашли в кинотеатр. Позже я тоже зашел и сел подальше от них. Они ко мне больше не подходили.

Когда в городском кинотеатре показывали индийские фильмы – зал был заполнен битком. Люди сидели и даже стояли в проходах и перед экраном. Однажды мы с родителями пошли на фильм, на вечерний сеанс. Родители сели сзади, а я пошел на первые ряды. Там я увидел знакомого мальчика, старше меня, который сидел со своими друзьями. Он был моим соседом в старом доме.

Раньше у нас с ним были хорошие отношения, и я ему доверял, я считал, что если что-нибудь случится со мною, то смогу рассчитывать на его помощь. Я хотел сесть на свободное возле него место. На заднем ряду сидела другая компания ребят, еще старше. Когда я сел, они сказали, чтобы я здесь не садился, они ногами перевернули сидушку и не дали мне сесть. Я посмотрел с надеждой на моего друга, но он даже не смотрел в мою сторону и не обращал на происходящее никакого внимания. Я хотел сесть на следующее место, но они не позволили мне сесть и там. Я с обидой и комом в горле сел на третье место от моего друга, за этим местом ребята не сидели и они уже не досаждали мне. Я плюхнулся на это место, и у меня из глаз брызнули слезы, благо в этот момент выключили свет, и моих слез никто не увидел.

Ребята с заднего ряда со смехом опять подошли ко мне и сказали, что на сидушку этого места они наплевали, и я

сизу на их плевках. Но мне было все равно, и я просто проигнорировал их слова. В глубине души я был спокоен, что меня никто бить не будет, к тому же на задних рядах сидел мой отец, а он был довольно скорый на расправу. Но вскоре начался фильм и все обиды забылись.

Однажды в вечерних сумерках у меня состоялась драка с моим другом Костей. Мы с ним как то стояли вечером возле перекрестка, на углу нашего дома, как раз под моим балконом. С чего все началось, я уже не помню. Толи я его передразнил, а он обиделся, толи по какой другой причине, но, в общем, он захотел приложить кулак к моему лицу. Я был на год его старше, но по телосложению он был несколько покрепче. Я не был уверен в своей победе в этой драке и на всякий случай решил спастись бегством от него. Я думал, что побегу от него, а он гнаться за мною не станет, но он погнался. Когда я оббежал вокруг нашего дома – то сделал ошибку. Можно было свернуть в сторону своего подъезда и убежать домой, но у меня возник план – скрыться в школьном дворе. Я устремился к дырке в заборе, ведущем в школьный двор, где можно было спрятаться.

Было уже довольно темно. Я подбежал к дырке в заборе, и обнаружил, что возле нее сидят ребята из соседнего дома. Они мне показались, скрыто агрессивными, и я подумал, что если попытаюсь пробежать между ними, то они меня обязательно зацепят. Я решил бежать назад, но Костя, запыхавшись, уже подбегал ко мне. Дорога была отрезана. Я

решил принять бой здесь, уже никуда не убегая. Костя думал, что отделается одной оплеухой отпущенной мне или даст поджепник, а я, заскулив, убегу домой. К его удивлению, я встретил его с кулаками. Он пытался ударить меня, я же уклоняясь и отходя, пытался ударить его. Мы закужились в жалиющей друг друга схватке. Ребята со всех мест, заинтересованные представлением, организовали вокруг нас кружок и подсказывали кому, куда нужно бить.

Проходящий мужчина сказал, чтобы мы разошлись и вся толпа, окружающая нас, разделившись по симпатиям на две группы, подхватила нас с Костей, и мы перелились из двора дома во двор школы. Нас на минутку развели по углам, у каждого из нас появился «тренер» из старших ребят, ими оказались ребята из нашего уже двора. Они нам говорили, что нужно бить ногами или руками и еще что-то, как им казалось очень полезное. Затем мы опять сошлись в драке, толпа вокруг нас загалдела. Было уже совсем темно. Я сосредоточенно смотрел лишь на моего противника, не замечая ничего вокруг. Ногами драться у нас не получалось, поэтому мы бились на кулаках, но удары, в основном, приходились в воздух.

Мы пару раз расходились и после перерыва сходились. Я хотел скрыться из этой передраги, но все хотели драки. Драки не хотели только я и Костя, но мы уже дрались для наших зрителей, которые жаждали крови. Кто-то кричал, что нужно драться до первой крови и драка все продолжалась и про-

должалась. В общем, Костя саданул меня, и мне стало больно. Я со злостью кинулся в его сторону и махнул туда пару раз руками и вдруг, я услышал его жалобные всхлипывания.

Передо мной его уже не было. Костя, держась за ухо, побежал домой. Я же, как победитель, остался на месте. Многие подходили и хлопали меня по плечу, говоря, что я молодец. Паренек, что был моим секундантом-тренером, был рад моей победе и насмехался над своим другом, который был секундантом Кости, они все трое жили в одном подъезде. Все постепенно разошлись и я, наконец-то, попал домой. По моему возбужденному состоянию и красному уху мама поняла, что произошло. Она узнала, с кем я дрался, и начала меня страшать, что драки могут очень плохо закончиться. В общем, для меня все закончилось хорошо. После этого мы с Костей помирились и никогда больше не только не дрались, но и не ссорились.

После окончания второго класса, летом, родители отправили меня в пионерский лагерь «Чайка», на Азовское море. Перед отправкой в пионерский лагерь, я знал, что в конце лета мне опять придется ехать в санаторий в Киев. Путевка в санаторий уже была выписана. Перспектива провести месяц в лагере, а затем три месяца, а может и шесть, как в прошлый раз вне дома, мне совершенно не улыбалась, но делать было нечего. Мама считала, что лагерь мне пойдет на пользу, тем более он располагался на берегу моря.

Мне собрали сумку с вещами, мама дала пакет с разными вкусностями: печенье, конфеты, килограмм черешни, бутерброды с колбасой и пара вареных яиц. Рано утром, нас посадили в автобусы, и мы поехали. В дороге я ничего не ел. Часа через три – четыре мы приехали в лагерь.

В дороге у нас была только одна остановка, приблизительно посередине пути. Ее называли «пяточком». Здесь были базарчик, туалеты и все такое. Мама мне настрого наказала на «пяточке» ничего не покупать, чтобы не отравиться в такую жару несвежими продуктами. Я из автобуса не выходил, мне было не интересно. Впереди меня ждал отдых, который мне совершенно не прибавлял настроения.

По приезду в лагерь нас разделили на отряды. Я был почти в самом младшем отряде. У нас было двое вожатых: мужчи-

на и женщина. Когда мы приехали, был как раз обед. Нам сказали поставить свои сумки в одной из комнат, и повели нас в столовую. Столовая была большая, там сразу, могли обедать все отряды, а это было порядка трехсот – четырехсот детей, хотя может быть. После обеда нас завели в большую комнату, где были кровати и каждый выбрал себе место.

В моем отряде оказался мальчик из моего класса, живущий в соседнем дворе. Дома мы дружили с ним. Звали его Игорь. После обеда вожатые дали команду отбой к послеобеденному сну, и мы все легли спать. Когда мы проснулись, то начали усиленно изучать прилегающую к нашему корпусу территорию. Мы бегали смотреть на море через забор. Оказалось, что к морю нужно спускаться по лестнице высотой метров десять. Лагерь находился на возвышенной территории, которая заканчивалась резким обрывом. За обрывом был песчаный пляж метров тридцать. Пока мы бегали и играли за нашим корпусом, прибежали ребята из нашего отряда и сказали, что вожатые перебрали наши сумки. Они достали все съестное из сумок и выложили на столе, и там сейчас идет массовое поедание, кто что успел, тот то и съел.

Мы побежали к входу в наш корпус, но из продуктов там ничего уже не было. Под стенкой в нашей комнате стояли наши сумки, в которых уже ничего съедобного не было. Мне было очень досадно, так как я ничего не попробовал из положенного мне мамой. Успокаивало лишь одно, я такой был не один, таких как я было много. Оставался один лишь во-

прос без ответа: «Если у каждого было много всего, то, как это, все так быстро закончилось?» Вожатые сказали нам, что очень многие продукты были уже испорчены, и они их просто выкинули. Так прошел мой первый день в пионерском лагере.

В пионерском лагере у нас было строгое расписание дня и в определенное время мы должны были заниматься чем-то конкретным. Весь день был расписан по часам. Утром, после подъема и завтрака, была уборка территории, для этого выбиралась группа дежурных ребят, а основная масса отряда после завтрака отправлялась на пляж купаться. У каждого отряда было свое место на пляже, своя беседка и своя дорожка для купания. Купаться запускали группами по восемь человек и купались минут по десять, затем шла купаться следующая группа.

К нам на пляж приходил местный рыбак и рассказывал нам как много в Азовском море рыбы, и какое большое здесь её разнообразие. Мы с раскрытыми от удивления ртами слушали удивительные рассказы бывалого рыбака о море.

Один раз нас водили в местный зоопарк, который организовал в том селе местный житель. У него были павлины, голуби, попугаи и даже страусы.

Через неделю пребывания в лагере к нам приехала группа детей толи из Румынии толи из Венгрии. Для встречи гостей нас всех в белых рубашках и красных пилотках, с цветами и шариками в руках, выстроили по обеим сторонам от центральной аллеи, по которой проходили гости из-за рубежа. Мы кричали им приветствия, как мы им рады, и махали дру-

жественно руками и тем, что было в руках. Они приехали в наш лагерь отдыхать. Мы впервые в жизни могли видеть иностранцев, хотя и детей. Они не говорили на русском языке, и держались несколько иначе. Мы потом забавы ради ходили просто посмотреть на них из далека.

Вечером нам показывали фильмы в летнем кинотеатре, расположенном здесь же в лагере. В лагере мне не особо нравилось, и я сильно тосковал за домом. Все наслаждались летним отдыхом и с удивлением посматривали на мою унылую персону. Я и мой друг, который мне сочувствовал, объясняли окружающим, что по возвращении домой я уеду в далекий Киев месяцев на шесть и не попаду домой. Ребята сочувственно пожимали плечами.

Вожатый в нашем отряде был молодой мужчина. Он иногда позволял себе ударить то того, то другого ребенка, не очень сильно, но без свидетелей. Но иногда в беседке на лавочке лежал мальчик, корчившийся от боли, который на наши вопросы отвечал, что его ударил вожатый. Я написал письмо домой, что у меня все безрадостно и здесь мне не нравится, что я очень хочу домой. Письма мы отдавали вожатым, которые должны были отправлять их по почте. Вскоре начали ходить слухи, что вожатые вскрывают письма, читают их и по своему усмотрению выбрасывают их.

Дней через пять у меня припухла и начала побаливать коленка, что огорчало и без того мой безрадостный отдых. Както в выходной день я бродил возле входа в помещение отря-

да. К некоторым ребятам приехали родители и забрали их из отряда. Ко мне подошел вожатый и почему-то он отнесся ко мне участливо. Он расспросил, почему я такой грустный и пригласил меня в свою комнату, где жил он и вожатая. Они угостили меня персиком. Я им рассказал о своей горе и даже немножко прослезился от счастья. Они меня внимательно выслушали и отправили гулять дальше.

Это был родительский день в лагере и к моему однокласснику Игорю приехали родители. Я передал с ними письмо для своих родителей, где написал, что нас вожатый бьет, что мне очень плохо и многое другое, все в очень не радостных тонах.

Буквально через два-три дня после родительского дня меня позвали к директору лагеря. Я очень испугался, но там, к своему удивлению и огромной радости, я встретил отца. Он сказал, что заберет меня, но ему еще нужно побывать у директора. Я же должен пообедать со всеми детьми, собрать свои вещи и мы поедем домой.

Когда я обедал в столовой – ко мне подошел мой вожатый, развернул мой стул, сел передо мною на корточки и посмотрел пристально мне в глаза. Он грустно спрашивал, разве он бил меня, я говорил нет, разве он не подходил ко мне на выходном и не сочувствовал мне, разве он не угостил меня персиком. Так зачем же я так не хорошо поступил с ним. Я сидел, потупив глаза, и молчал. Он, молча, поднялся и медленно ушел. Среди ребят чувствовалось, напряжение и ожида-

ние чего-то нового, но что это будет, мне уже не довелось узнать. Уже через пару часов я с отцом на «Волге», которую отец взял у знакомого для такого случая, ехал домой. Теперь я был счастлив по-настоящему. Единственное, был конечное осадок на душе от того, что я доставил неприятности водителю. Однако, вспоминая о мальчике, который лежал на лавочке в нашей беседке и плакал от боли, быстро развеяли мои угрызения совести. То, что мальчик мог сказать нам неправду, никому из ребят не приходило в голову, да и зачем ему было врать?

Дома, в нашем дворе, был рыжий мальчуган, один из старших в нашей компании. Он частенько бил моего друга Костю, иногда просто так. Бывало, спускается Рыжий по лестнице в подъезде, а навстречу идет Костя, так он возьмет и ударит Костю кулаком в нос и довольный идет гулять дальше, а Костя со слезами возвращается домой. У Кости отца не было и заступиться за него, не было кому.

Однажды Рыжий хотел у меня взять машинку, с которой я играл. Я естественно ему отказал, он начал мне угрожать, а я взял и убежал домой, где пожаловался отцу. Отец вышел из дома, и какое-то время его не было. Когда он вернулся, то сказал, что Рыжий меня больше обижать не будет.

Когда Рыжий забывался и приставал ко мне, я сразу поднимался и говорил, что иду жаловаться отцу – это его всегда отрезвляло.

Однажды Рыжий начал ко мне приставать, и мне было противно напоминать об отце и я просто начал его обидно передразнивать. Он кинулся за мной, а я скрылся в подъезде своего дома. Эти прядки продолжались длительное время. Он пытался меня подкараулить то возле дома, то в школе, но мне всегда удавалось от него скрыться. И вот однажды зимой, мы выбежали из школы, на перемене, на улицу. На улице была настоящая зима, светило солнце. Мы начали играть

в снежки. Я не заметил, как ко мне подкрался Рыжий, когда я его увидел, было уже поздно. Я попытался убежать, но он сделал мне подсечку и я упал в ямку под деревом, он навалился на меня сверху. Я понял что попал, но скулить не стал. Я ему смело сказал, ну, и что мол, дальше. В ответ, к моему удивлению он спросил, буду ли я еще дразниться, на что я конечно ответил, что не буду, и он меня отпустил. Больше у меня с ним конфликтов не возникало, хотя Костю он продолжал обижать.

Во второй половине лета мы с мамой поехали в Киев. Ехали поездом, на этот раз без приключений. Мне запомнилось, как мы приехали на железнодорожный вокзал в Киев и там расспрашивали у всех, как проехать к нужному нам поселку. Оказалось, что туда нужно ехать электричкой. Мы некоторое время искали, где останавливается наша электричка. Спускались даже в метро. Затем наконец-то мы нашли свою платформу, дождались электрички и поехали дальше.

Мы ехали через весь Киев. Я грустно смотрел в окно. Буквально через два часа я должен был расстаться с мамой и со всем близким мне и родным, как минимум на три месяца.

Мы вышли на своей станции. Здесь была возвышенная платформа, расположенная на насыпе. Там, кажется, было, маленькое здание железнодорожной станции. Мы спросили у прохожего в какую нам сторону идти к детскому санаторию. Мы спустились с насыпи и пошли в указанном направлении.

Практически сразу мы оказались в сосновом лесу. Сосны росли со всех сторон. Мы шли по улице с одноэтажной застройкой. К моему сожалению, очень скоро мы подошли к детскому санаторию. Возле центрального входа в санаторий было здание, в котором принимали прибывших детей.

Мы зашли в комнату, в которую не проникал ни один лучик солнца. Через несколько минут, к нам вышла женщина врач. Ее образ сразу же врезался в мою память. Она держалась строго и с достоинством, на ней был строгий накрахмаленный и практически без складочки белый с голубым отливом халат, каждый ее шаг был четко слышен, так как на ней были туфли на высоком каблучке. Но запомнилась она мне ароматом своих духов, который разлился по всей комнате, как только она в нее вошла. Я слышал, что есть французские духи «Шанель». Я не знал, как пахнет эта «Шанель», но я был уверен, что это была именно она.

Врач поговорила с мамой, потом немного со мной, расспросила обо всех жалобах, и чем я болел раньше. Мама все ей рассказала, сказала так же, что я жалуюсь, на ощущение сухости в ладошках. Она сказала, что как только это ощущение опять у меня появится, нужно чтобы я сказал об этом медсестре, а та в свою очередь передаст это ей, и там уж мы посмотрим, что с этим делать.

Нам сказали подождать медсестру, которая сейчас подойдет и проводит меня в мою группу. Я стоял рядом с мамой и чувствовал, что сейчас разрыдаюсь, так как мне не хотелось с ней расставаться. Я ее обнимал крепко-крепко и хотел, чтобы этот миг длился целую вечность и никогда бы не закончился.

Мама говорила, что мне это очень полезно, нужно немножко потерпеть, зато потом у меня все будет хорошо.

Пришла медсестра, я обнял маму в последний раз. Медсестра взяла мою большую сумку в одну руку, второй рукой она взяла меня за руку, и мы с ней зашагали по аллее, засаженной с двух сторон высокими зелеными кустами. Я несколько раз оглядывался назад, где стояла мама. Я махал ей, она махала мне. Затем мы свернули с аллейки, и маму я уже не видел. Мне тогда было десять лет. Мне предстояло отучиться здесь первую четверть моего третьего класса.

Меня разместили в двухэтажном корпусе, в комнате на первом этаже. В комнате было около десяти кроватей. Схема пребывания здесь была, как и в других санаториях. Просто, так как я был старше, то свободы здесь было больше. Я довольно быстро влился в здешний коллектив и в распорядок санатория. Скучать здесь особо было некогда, так как мы тоже все время чем-то занимались, прямо как в пионерском лагере. Вот только внутренняя атмосфера здесь была совсем другой, поэтому через пару недель я чувствовал себя здесь уже как дома.

Вскоре у меня появились друзья, с которыми мы довольно весело проводили время. У нас были две женщины воспитательницы, которые по очереди всегда были с нами. Родители оставляли небольшую сумму денег в санатории, для покупки воспитательницами всяких вкусностей по нашему заказу, которые скрашивали бы наш отрыв от дома и родных. Мы в основном заказывали Пепси и Фанту, или алычу или что-то еще, что мы могли бы попросить, и чтобы нам это бы-

ло можно кушать в соответствии с прописанной в санатории индивидуальной диетой.

До первого сентября мы были условно разбиты на группы с разницей в возрасте один – два года. Естественно, что мои товарищи были моего года и постарше. Мы отлично ладили друг с другом. Раз в неделю у нас был просмотр фильмов в летнем открытом кинотеатре на территории санатория. Были практически ежедневные прогулки в лес, поэтому прилегающую к санаторию территорию мы знали очень хорошо. Кормили нас отлично и иногда нам устраивали медицинский осмотр врачи. Каждый день нам измеряли температуру, давали витамины и иногда лекарства, прописанные врачами.

На территории санатория было несколько собак, которых мы все любили и подкармливали. Собаки были разные. Была собака, которая казалась мне тогда очень большой. Никто не помнил случая, что бы эти собаки хотя бы рыкнули на кого-нибудь. Однажды, в санаторий на машине приехали живодеры. Они отлавливали собак и увозили их в своей машине с будкой. Мы даже как-то видели это собственными глазами. У живодеров были большие клещи, которыми они хватали собаку за бока, и, сжав их, тащили собаку по земле к своей машине. Мы пытались по возможности спрятать собак, где могли, одну собаку нам точно удалось спасти.

В санатории у нас была самая любимая игра – настольный хоккей. Эта игра была у одного из мальчиков. Он играл в нее со своими друзьями, а остальные стояли и смотрели. Всем

очень нравилась эта игра и конечно каждый хотел поиграть в нее, но увы...

Однажды во время тихого часа, который длился пару часов, мы решили погулять по лесу, самостоятельно. Мальчик из компании моих новых друзей сказал, что знает где недалеко от нас находится забытый со времен войны танк. Когда все легли спать, мы прошмыгнули из нашего корпуса, перелезли забор и отправились в лес. Нас было четыре человека. Был отличный солнечный летний день. Нужно отметить, что санаторий одной своей стороной уходил в сосновый лесной массив. Прилегающий к санаторию лесной массив был разделен просеками на большие прямоугольные участки. Дорожки были песчаные, идти по ним было тяжеловато. В лесу почва была то же песчаная, но она была покрыта слоем из сосновых иголок, поэтому ноги в этом грунте не вязли.

Мы ушли от санатория, как нам казалось, очень далеко. Мы шли и представляли себя разведчиками в тылу врага, поэтому прятались от всех, кто нам встречался по пути. Мы извалялись в песке, но были все довольны своей самостоятельностью и независимостью. Как оказалось, никто не знал, где же находится этот танк и был ли он вообще. Пора было возвращаться назад.

Наше отсутствие было замечено и нас всех отправили к главному врачу за нарушение распорядка дня. Нам грозил вызов родителей сюда и отправка с ними домой. Мы все были в ужасно подавленном состоянии. Поэтому когда мы во-

шли в кабинет к главному врачу, то стали слезно умолять его простить нас, и мы дали слово, что ни ногой за пределы санатория без разрешения не сделаем. Случилось чудо – нас простили. Мы все были на седьмом небе от счастья. Мы переживали ни сколько за отправку домой, хотя я уже не хотел домой, сколько за те неприятности, которые мы можем доставить своим родителям.

Раз в неделю я писал письма маме и бабушкам. Маму и бабушку Сашу я попросил, чтобы они выслали мне свои маленькие фотографии, чтобы я иногда смотрел на них и чувствовал близость родных, что я не одинок в этом мире. Раз в неделю я получал от них письма. Мама мне писала, что мой братик растёт, папа собирается поехать на Север, на заработки, и что все у них хорошо. Я был рад за них, так как и у меня все было просто замечательно.

Жизнь у меня наладилась, мне здесь уже нравилось, главное было то, что у меня появились друзья, с которыми я находил общий язык, и мы с ними шалили в пределах допустимого и больше. Тайно нарушать внутренний распорядок санатория нам доставляло неописуемую радость и удовлетворение. А нравы в санатории были очень строгие.

Однажды наша группа детей строилась перед корпусом, чтобы идти в столовую. Передвижение по территории было организованным и просто шататься было нельзя. Каждый должен был находиться только там, где было нужно и только там, где находилась его группа. Воспитателей рядом не было, и я позволил себе употребить в разговоре нецензурное слово. Рядом были девочки, которые сказали, что сейчас же все расскажут учительнице. Учительница нашего будущего, третьего класса, заменяла у нас воспитателя и присматрива-

лась к нам. Я сначала хорохорился, что, мол, ничего плохого я не сделал, а потом мне все же стало страшновато.

К нам подошла учительница. Девочка подбежала к ней, показала на меня пальцем, сказала, что я матюкался, и тут она попросила, чтобы учительница нагнулась к ней и на ухо ей что-то прошептала. Учительница очень строго посмотрела на меня, я не впускал ей почему-то симпатии, в отличие от наших воспитательниц.

Воспитательницы у нас были обычные простые женщины, в них не было никакого высокомерия и недоступности – они были всегда приветливы с нами, прямо как наши мамы, которые общались с нами просто и не возводили вокруг себя непреступных небесных замков. Учительница же вела себя подчеркнуто строго и недоступно, как будто бы она была взрослая, а мы какие-то малые дети. Что было дальше, я точно не помню, но я обещал ей ничего подобного не говорить и быть паинькой, а она за это не будет жаловаться на меня главному врачу больницы. Вот так то.

Перед первым сентябрем наши группы разбили по классам и расселили нас по комнатам уже из этих соображений. Девочки и мальчики были в отдельных комнатах. Меня из дальней комнаты переселили в комнату поближе к выходу из корпуса.

Неприятным моментом для меня в санатории было то, что когда ночью хотелось в туалет, нужно было вставать и идти по длинному еле освещенному коридору, за которым был

высокий холл с лестницей на второй этаж и большими окнами. Из этих окон, казалось, на тебя смотрят из ночи герои страшных историй, которые мы любили друг другу рассказывать перед сном. Рядом с дверью, ведущей на улицу, была дверь в туалет. В туалете было большое окно, в котором была открыта большая фрамуга, располагающаяся в верхней части окна. Когда я подходил к унитазу, и становился спиной к окну, то мне казалось, что вот там, за спиной у меня кто-то или что-то влезает в эту комнату, а я здесь совсем один беззащитный, сонный и со спущенными трусами. Бррр...

Самое страшное в туалете было то, что окно, которое там было, запиралось на один шпингалет, и мы иногда вылизали через фрамугу из корпуса, или открывали для этого всё окно, правда, тогда кто-то должен был закрыть окно изнутри. Поэтому я думал, что раз я могу шастать, через это окно, то и тот, кто находится в ночи, за этим окном и наблюдает за мной, тоже сможет так сделать.

В углу санатория, на территории нашей группы был высокий кустарник. Один мальчик показал мне, как можно взять сухие листья дуба, смять их, завернуть в газету и курить. Мы с ним иногда ходили сюда покурить дубовых листьев и поговорить о жизни.

Этот мальчик в санатории появился недавно. Он был в моем классе, а я уже был практически сторожилком в санатории. Я провел здесь уже около месяца. Он не был паинькой, и мне при случае пришлось доказывать ему, что я за себя постоять сумею. После этого он уже не был задиристым, по крайней мере по отношению ко мне.

В нашем классе был также новенький мальчик, имен этих детей я уже не могу вспомнить, так вот, он носил очки и этим выделялся из нашей массы. Его дети подразнивали очкариком, а ему это очень не нравилось. Однажды одному мальчугану он врезал и попал точно под глаз, этого от него никто не ожидал, а его обидчик ходил с синяком под глазом. Все притихли и думали, что это случайность, но через время эта, же оказия повторилась с еще одним мальчуганом, и у нас появился еще один товарищ с синяком под глазом. Тут уж его начали побаиваться. Мальчуган этот внешне совершенно не выглядел угрожающе. Он выглядел вполне безобидным. Он был худощавый и немного выше всех в нашем классе.

Так вот, покуривая листья дуба, я с моим новым товарищем решили, прочувствовать этого выскочку. Честно говоря, он нам ничего плохого не сделал, но желание натолочь ему бока не давало нам покоя, наверное, это было из-за страха, который мы к нему начали испытывать. Если бы мы напощадили бы ему, то он бы, притих, и фактор страха, в его лице, для нас перестал бы существовать. Сделав по затяжке, мы курили одну самокрутку на двоих, мы решили позвать его сюда в кустарник и здесь вдвоем навалиться на него.

Мой товарищ пошел позвать его, под безобидным предлогом, а я ждал его здесь, в засаде. Как только он пришел, и увидел, что оказался один наедине с нами, то почувствовал неладное. Это неладное просто выпирало из нас, и к нашему счастью он убежал от нас. Мы же остались не солоно хлебавши. Он никому не пожаловался, и наши отношения остались, как и до этого – товарищескими.

Я продолжал испытывать неуверенность перед одноклассником в очках. Мне казалось, что в любой момент с моих губ сорвется прозвище «очкарик» и в следующее мгновение у меня появится фингал под глазом. Это почему то очень напрягало. Однако, мне хотелось и дальше быть в классе парнем номер один.

Вечера мы проводили в своем школьном классе, в котором днем проходили уроки. Наша школа располагалась на территории санатория как отдельное большое здание. Класс у нас был очень уютный, на полу был ковер. Мы ча-

стенки рассаживались на полу за какой-нибудь настольной игрой. Как правило, вечером, когда на улице было темно, мы просматривали по фильмоскопу диафильмы. Фильмоскоп – это был такой прожектор, в который вставлялась пленка с красочными кадрами сказки. В каждом кадре, под рисунком, были написаны слова героев сказки к данному кадру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.